А.С.Дёмин

"ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ" О ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

(отрывки древнерусского текста, литературный перевод отрывков, комментарии к отрывкам, комментарии к переводу)

Знаменитая летопись начала XII в.— "Повесть временных лет" — самое содержательное произведение о древнейшей истории Руси и ее международных связях. Целесообразно собрать воедино важнейшие летописные упоминания о западноевропейских странах и людях.

Отрывки "Повести временных лет" цитируются по изданию: "Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / Древнерусский текст по "Лаврентьевской летописи" подгот. О.В.Творогов, перевел на современный русский язык Д.С.Лихачев. М., 1978.

Комментарии написаны в форме научных статей об этнографических и политических представлениях летописцев о Западе, об их мироотношении и об их источниках.

Комментарии к переводу как материалы, имеющие более узкий, справочный характер, помещены в конце работы.

Очень облегчает подыскание параллелей справочник: Творогов О.В. Лексический состав "Повести временных лет" (Словоуказатель и частотный словник). Киев, 1984.

Вступление в летописи

"По потопе трие сынове Ноеви разделиша Землю — Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови ... Хамови же яся полуденьная страна ... Афету же яшася полунощныя страны и западныя ... В Афетове же части седять русь, чюдь, и вся языци: меря, мурома, весь, мордъва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, корсь, летьгола, любь. Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому ... Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, ти же приседять от запада къ полуденью и съседяться съ племянемъ Хамовым" (22-24).

Перевод

После потопа три Ноевых сына — Сим, Хам, Иафет — разделили Землю. Восток достался Симу ... Хаму досталась южная сторона... Иафету достались северные страны и западные ... В Иафетовой части Земли обитают русь, чюдь и всякие иные народы: меря, мурома, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи, пруссы, чудь распространяются вплоть до Балтийского моря ... Иафетов род вот еще кто: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, которые распространяются от запада к югу и соседят с Хамовым племенем.

Комментарий: Запад

"Повесть временных лет" начинается с рассказа о разделе всей Земли между сыновьями библейского Ноя. Это начало летописи составил около 1113 г. киево-печерский монах Нестор (см.: Повесть временных лет. М.;Л., 1950. Ч. 2 / Статьи и комментарии Д.С.Лихачева. С. 107).

Вступительная летописная статья позволяет высказать предположение об отношении Нестора к Западу. В летописном вступлении сообщается, что Симу достался земной восток, Хаму — южная часть Земли, а Иафету — "полунощныя страны и

западныя" (22). Нестор, знавший библейскую историю (в Библии подробности раздела Земли вообще отсутствуют), заимствовал изложение этих сведений из переведенной на славянский язык "Хроники" византийского монаха Георгия Амартола, а также из недошедшего до нас болгарского компилятивного "Хронографа" (См.: Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники // ТОДРЛ. М.;Л., 1940. Т. 4. С. 42-44, 72-73). Однако в греческом тексте "Хроники" Запад не упомянут: Симу досталось "то, что к востоку", Хаму — "то, что к югу", а Иафету — "то, что к северу" (на это указала мне Л.И.Щеголева). В славянском переводе "Хроники" тоже нет упоминания Запада (см.: Шахматов А.А. Указ.соч. С. 44). Значит, Нестор или сам вставил упоминание Запада, либо был согласен с такой вставкой, сделанной в болгарском "Хронографе". На навеянное источниками деление Земли по трем сыновьям Ноя в данном отрывке летописи наложился другой способ деления — по четырем сторонам света. Понятие Запада было привнесено Нестором из другой, не библейской, а географической системы понятий.

Отношение Нестора к разным сторонам света (и частям Земли) несколько различалось. Восток он считал первенствующей областью и с него обычно начинал перечисление частей Земли: "И яся въстокъ Симови", "от въстока и до полуденья"(22). Первым был назван Восток и в перечислении, касавшемся уже потомков Ноевых сыновей: "прияша сынове Симовы восточныя страны, а Хамовы сынове — полуденныя страны, Афетовы же — прияша западъ и полунощныя страны" (24). Называние востока первым из сторон света обычно встречается в отрывках и в цитатах, восходящих к переводным произведениям: "от въстока и до запада имя мое прославися въ языцех" (112. Под 986 г. ветхозаветная цитата. См.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пгр. 1916. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. С. 123); "от пустыня Етривьскыя, межю встокомь и севером" (242. Под 1096 г. Из сочинения Мефодия Патарского. См.: Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники. С. 92, 101-103). Но и сами летописцы предпочитали называть Восток первым в своих собственных перечислениях. Ср.: "от въстока, и уга, и запада, и севера" (268. Под 1102 г.).

Представление о важности Востока выразилось и в частом указании его исходной или конечной областью людских движений и устремлений. В начале летописи передвижение именно на Восток было упомянуто многократно: "Текущи на въстокъ", "сущимъ же ко востокомъ", "идеть на востокъ, в часть Симову", "ко въстоку, до предела Симова" (22,24). И далее в летописи у Нестора: "потече Волга на въстокъ... и на въстокъ доити въ жребий Симовъ" (26). Восток как исходная область тоже часто обозначался в летописи: "пришедше от въстока" (40. Под 898 г.), "пришедъшемъ воемъ от въстока" (58. Под 941 г.), "придоша от въстока" (116. Под 986 г.) и пр.

В отличие от Востока, Запад не занимал первого места при перечислении сторон света или частей земли и не выступал как исходная или конечная область движения. Летописцы мыслили Запад лишь переходной, так сказать, транзитной областью между другими областями. Оттого Нестор закончил изложение о разделе Земли упоминанием не Запада, а последующей области или стороны света (юга): "Афету же яшася полунощныя страны и западныя... Ти же приседять от запада къ полуденью и съседяться съ племянемъ Хамовым" (22,24). При обозрении владений отдаленных потомков Ноя Нестор снова поставил Запад на переходное место: "сынове... Афетовы же прияша западъ и полунощныя страны"(24). То же повторялось в летописи и дальше (ср.: "взиде на всточъныя страны... и загна их на полунощныя страны" — 244. Под 1096 г. Единственное исключение — библейская формула "от въстока и до запада", но и она не делала упора на Запад, будучи продолжена: "на всякомь месте" — 112. Под 986 г.).

В общем, надо признать, что Нестор и прочие составители летописи без особого внимания отнеслись к Западу в целом.

"В лето 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ кривичехъ. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичехъ. Имаху по беле и веверице от дыма.

Въ лето 6368.

Въ лето 6369.

Въ лето 6370. Изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани... И реша сами в себе: "Поищемъ собе князя..." И идоша за море къ варягомъ... Реша: "... Да поидете княжитъ и володети нами". И изъбрашася 3 братья с роды своими ... и придоша"(34, 36).

Перевод

В 859 году. Варяги из заморья взимали дань с чуди, славян, мери и всех кривичей. А хазары взимали с полян, северян, вятичей. Взимали по серебряной монете и белке от семьи.

В 860 году.

В 861 году.

В 862 году. Изгнали варягов за море и не дали им дани ... А сами надумали: "Поищем себе князя..." Пошли за море к варягам... Попросили: "Пойдите княжить и управлять у нас". Вызвались три брата со своими родами ... и пришли.

Комментарий: варяги.

В первых датированных статьях летописи рассказывается о варягах-скандинавах. Словосочетание "варязи из заморья" можно рассматривать как кратчайшую их этническую характеристику, данную Нестором. (У Нестора фраза, вероятно, выглядела так: "варязи, приходяще из заморья", и большинство летописей содержат ее, а в "Лаврентевской летописи" она сокращена. См.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 233).

Упоминание о варягах под 859 г. имело естественное продолжение в тут же следующей летописной статье под 862 г.: "Имаху дань варязи, приходяще из заморья... Изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани". Цельное (в своде Никона 1073 г.?) повествование о варягах было затем разорвано маленьким отвлечением Нестора к хазарам и его вставкой "пустых" годов между 859 и 862 гг.

Первоначальный, цельный рассказ о варягах, по-видимому, велся летописцем по повествовательному шаблону, состоявшему примерно из трех частей: "Послали к варягам за море ... и пришли варяги из заморья... и ушли варяги за море". Полностью такая последовательность изложения была соблюдена, например, в статье под 1024 г., упоминавшей варяжского князя Якуна: Ярослав "посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы ... Якунъ иде за море" (161).

Шаблон легко варьировался и прерывался летописцами в зависимости от сюжета. Обычно использовались лишь его первые две части: "пославъ за море, приведе варягы" (144. Под 1015 г.), "хотяше бежати за море ... и приведоша варягы" (158. Под 1018 г.), "бежа за море ... приде Володимиръ съ варяги" (90. Под 977 и 980 гг. Изложение прервано перечислением "пустых" годов). Иногда летописцам достаточно было только одной части шаблона: Игорь "посла по варяги многи за море" (58. Под 941 г. Подразумевалось, что затем варяги и пришли), "Рогъволодъ пришелъ из-заморья" (90. Под 980 г. Подразумевалось, что он как-то был вызван).

Таким образом, статьи под 859-862 гг. содержали два эпизода о варягах: приходящих из заморья и затем изгнанных за море (вторая и третья части

шаблона), приглашенных из-за моря и пришедших (первая и вторая части шаблона).

В указанном шаблоне отразилось устойчивое мнение летописцев о варягах как о приморском или заморском народе. Ведь повторявшиеся высказывания о них неизменно упоминали море (замечания о местопребывании других народов и племен делались в тексте летописи, как правило, один раз, при первом их назывании). Встретившийся как-то редкий случай несоответствия привычному представлению сразу же был оговорен летописцем: "Бе же варягъ той пришел изъ грекъ" (96. Под 983 г. Тот варяг пришел из греческой земли. А не из-за Балтийского моря).

Летописцам важно было отметить способ передвижения варягов или к варягам — морское плавание. Это они поясняли выражениями "иде за море", "посла за море", "бежа за море", "пришли из заморья" и пр., где глаголы передвижения или посылки обозначали плавание и сопровождались указанием моря или реки, ладей, кораблей, берега, судового такелажа, морской глубины, утопания, но особенно — удачного результата: "поиде внизъ ... и приплу" (38. Под 882 г. Поплыл вниз и приплыл), "идуть русь на Царьградъ, скедий 10 тысящъ, иже придоша, и приплуша" (58. Под 941 г. Русские плывут на Царьград, 10 тысяч кораблей, которые дошли, приплыли).

Шаблоны изложения о быстрых передвижениях использовались в "Повести временных лет" только по отношению к народам кочевым или мигрирующим. Например, о печенегах летописцы много раз рассказывали в повторявшихся выражениях и по одинаковой схеме: 1) "придоша" — 2) "сташа" или "оступиша" — 3) "отъидоша" или "побегоша". Угры: "идоша" — "придоша" — "находиша". Половцы: "Придоша на Русскую землю" — "воююще по земли". В эту кочевую компанию попали и варяги, которых летописец прямо назвал "находниками" (36. Под 862 г.). Варяги приходят из-за моря, как "половци, иже исходять от пустыне" (242. Под 1096 г.) Сходство между варягами и кочевниками ощущалось только в находничестве извне. Однако это бросало тень на варягов в летописи.

898 г.

«Неции же начаша хулити словеньскиа книги, глаголюще, яко не достоить ни которому же языку букъвъ своихъ, разве евреи, и грекъ, и латинъ,— по Пилатову писанью, еже на кресте Господни написа. Се же слышавъ, папежь римьский похули тех, иже ропьщють на книги словеньския, река: "...Да аще хто хулить словеньскую грамоту да будеть отлученъ от церкве, донде ся исправить"»(42).

Перевод

Некоторые стали ругать славянские книги, утверждая, что никакому народу не следует иметь своей азбуки, кроме евреев, греков и латинян,— соответственно надписи Пилата, которую он написал на кресте Господнем. Услышав это, римский папа поругал тех, кто осуждает славянские книги, и произнес: "...Если кто ругает славянскую грамоту, тот да будет отлучен от церкви, пока не исправится".

Комментарий: римский папа.

Под этим годом рассказывается о миссии славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые составили славянскую азбуку и перевели библейские и богослужебные книги на славянский язык. Упоминание о римском папе позволяет задаться вопросом об отношении летописца к папе. Римский папа в рассказе выступает как влиятельное лицо, определяющее ход событий. Оттого к нему применена формула "се же слышавъ", с которой в летописи постоянно начинались сообщения о важных,

переломных решениях влиятельных людей. Оттого в летописи передана речь папы, содержащая глаголы в повелительном наклонении, типа "да будеть".

Однако отношение к римскому папе как к влиятельному лицу нашло отражение только в данной летописной статье. При последующем упоминании римского папы (тоже без имени, под 986 г.), он уже не представал решающим и вменяющим что-либо. Его слова недолго слушал и сразу отвергал киевский князь Владимир Святославич. Влиятельность же римского папы, обозначенная в статье под 898 г., возможно, объяснима особенностью заимствованного летописцем источника — западнославянского "Сказания о преложении книг на словенский язык" (см.: Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники. С. 80-92).

969 г.

«В лето 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: "Не любо ми есть в Киеве быти. Хочю жити в Переславци на Дунаи. Яко то есть середа земли моей. Яко ту вся благая сходятся. От грекъ — злато, паволоки, вина и овощеве розноличныя. Изъ Чехъ же, из Угорь — сребро и комони. Из Руси же — скора и воскъ, медъ и челяд"» (80,82).

Перевод

В 969 году. Святослав объявил своей матери и боярам: "Не нравится мне пребывать в Киеве. Буду жить в Переяславце на Дунае. Потому что там — центр моей земли. Потому что туда отовсюду стекаются все ценности. Из Византии — золото, шелка, вина и разнообразные плоды. Из Чехии, Венгрии — серебро и кони. Из Руси — меха, воск, мед и слуги".

Комментарий: Чехия, Венгрия.

После повествования о варягах-правителях Руси — Рюрике, Олеге, Игоре Рюриковиче и Ольге — в летописи следуют рассказы об успешных походах сына Игоря и Ольги Святослава, который, покорив дунайских болгар, остался княжить в Переяславце (ныне село у границы Румынии с Украиной, южнее Дуная, растекающегося на черноморские гирла). Данная летописная статья начинается с изложения программной речи Святослава, в которой он положительно отозвался о Чехии и Венгрии.

Приведенный отрывок находился в "Древнейшем киевском своде" 1037-1039 гг. (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 548), однако уже, вероятно, тогда краткая речь Святослава отличалась странностями и неясностями.

1. Уникальным являлось упоминание богатств Чехии и Венгрии. Об этом летопись не упоминала больше нигде и никогда, да и другие страны больше ни разу не характеризовала по их природным или иным богатствам.

2. Из речи Святослава не ясно и то, каким способом из Чехии и Венгрии в Переяславец "благая сходятся". Если под словом "сходятся" подразумевалась торговля, то такое указание тоже уникально для летописи, совершенно глухой (кроме текста договоров с греками) к торговым делам, но занятой преимущественно делами военными. Однако, скорее всего, подразумевалась дань, получаемая по крайней мере, от греков. Только что, под 967 г., летописец отметил, что Святослав "седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцех" (78), а под 969 г. перечислил предметы, которые полностью соответствовали ранее бывшим даням и дарам от греков. Но если подразумевалась дань, то непонятно, почему упомянуты Чехия и Венгрия. Тем более что об отношениях Святослава с этими странами летопись ничего не сообщала, как и об отношениях предыдущих князей.

3. Вызывает недоумение, почему Чехия и Венгрия были названы вместе, без различения того, какое богатство свойственно каждой из стран.

4. Не обычно также, что Чехия упомянута первой. В других местах летописи Чехия, никогда не упоминавшаяся в одиночку, всегда была называема после моравов или ляхов.

5. Само сочетание какое-то нескладное: "Изъ Чехъ же, из Угорь". Нескладность формы и немотивированность упоминания Чехии и Венгрии, по-видимому, ощущавшиеся переписчиками летописи, привели к перетолкованиям. Например, в одном из списков — Лаврентевском — названия этих стран превратились в обозначения неведомых предметов и пополнили список греческих богатств: "Отъ грекъ — злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя, ищехъ же и зурогъ, сребро и комони" (Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Подгот. А.Ф.Бычков. СПб., 1897. С. 66).

6. В речи Святослава есть и другие странности. Например, Русь по отношению к земле Святослава представлена внешней, сопредельной страной, из которой блага текут в Переяславль,— наподобие Византии, Чехии, Венгрии. Из Руси в Переяславец поступает даже "челяд", которая в летописи упоминается только как объект внешних связей Руси (дары, трофеи и пр.). Такое отношение к Руси как загранице абсолютно необычно для русских персонажей летописи.

7. Княжеская речь, обращенная именно к "своим" людям, тоже не типична для преданий о первых князьях. Ср.: "В Начальном своде и Повести временных лет речи приводятся весьма редко. Между тем, Святослав произносит три речи: одну в Киеве перед матерью и боярами..., другую краткую речь — в сражении под Переяславцем... и, наконец, длинную речь — перед сражением с греками... Эта речь положительно единственная для нашей древней летописи" (Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 123).

Инородность речи Святослава для "Повести временных лет" находит объяснение в предположении, высказанном А.А.Шахматовым: "Содержание этой речи едва ли могло быть придумано киевлянином: указание на торговое значение и богатство Переяславца ведет нас к другому автору, вложившему речь в уста Святославу, очевидно, при других обстоятельствах, иной обстановке. Мы убеждены в том, что речь сказана Святославом в Болгарии, или, скажем точнее — она была вложена в уста Святославу составителем болгарской хроники" (Там же. С. 128). Что это за хроника, пока остается неизвестным. Но отсюда следует, что мнение о Чехии и Венгрии не принадлежало древнерусскому летописцу.

986 г.

«В лето 6494... Потом же придоша немьци от Рима, глаголюще: "Придохомъ послании от папежа". И реша ему: "Реклъ ти тако папежь. Земля твоя яко и земля наша, а вера не яко вера наша. Вера бо наша свет есть. Кланяемся Богу, иже створилъ небо, и землю, звезды, месяць, и всяко дыханье, а бози ваши — древо суть". Володимеръ же рече: "Кака заповедь ваша?" Они же реша: "Пощенье по силе. "Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью",— рече учитель нашь Павел". Рече же Володимеръ немцемъ: "Идете опять, яко отци наши сего не приали суть"»(98, 100).

Перевод

В 986 году... Потом пришли немцы из Рима и сообщили: "Мы прибыли посланы папой". И передали Владимиру: "Так изрек тебе папа. Такая же земля твоя, как и земля наша, а вера — не как вера наша. Ибо вера наша — это свет. Мы поклоняемся Богу, который сотворил небо, землю, звезды, месяц и все, что дышит. А ваши боги — просто дерево". Владимир спросил: "Какова ваша заповедь?" Они ответили: "Посильное пощенье. Как сказал наш учитель Павел, "если кто пьет или

ест, то все во славу Божию". Владимир велел немцам: "Возвращайтесь назад. Ведь этого не приняли еще наши отцы".

Комментарий: "немцы", Рим.

В повествовании о выборе веры киевским князем Владимиром Святославичем сообщается о приходе в Киев представителей разных народов с предложением принять их веру, в том числе говорится о "немцах", то есть о западноевропейцах. "Немцы" вызывали сдержанные, скорее, отрицательные чувства у летописцев.

Летописцы словом "немьци" обозначали родовое понятие, а словом "Рим" — видовое понятие. О том свидетельствует словосочетание "немьци от Рима". В "Древнейшем киевском своде" 1037-1039 гг. "немцы" были упомянуты, хотя и без уточнения "от Рима", однако немного далее было подтверждено, что эти "немцы" "приходиша от Рима" (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 147, 558, 638). Словосочетание "немьци от Рима" наличествовало в "Начальном киевском своде" 1093-1095 гг. (см.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. С. 104,381), перешло в "Повесть временных лет" Нестора, во все списки, кроме Лаврентьевского (ср.: Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Подгот. А.Ф.Бычков. СПб., 1897. С. 83).

Нестор в своем введении к летописи, в перечне европейских народов еще раз передал эту связь, указав как близкие народы: "...римляне, немци..." (24). Не удивительно, что представление о "немцах" и о средневековом (не античном!) "Риме" у летописцев были сходными.

Как географические понятия "Рим" и "немцы" представлялись летописцу поворотным пунктом поездок, куда занятые делами люди активно прибывают, но откуда быстро убывают. Оттого в описании пути из варягов в греки был очерчен замкнутый северо-западный круговой маршрут (Днепр — Балтийское море — Рим — Царьград — Черное море — Днепр), и именно Рим выступил местом резкого поворота и быстрого возвращения домой: "внидеть ... в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду"(26). Так же по скользящему маршруту к Риму сворачивал и от Рима возвращался апостол Андрей: "учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь... и въсхоте поити в Римъ... И иде въ варяги, и приде в Римъ... бывъ в Риме, приде в Синопию"(26). Страну "немцев" Владимир мыслил областью быстрого поворота для посылаемого им посольства: "Идете паки в немци, съглядайте такоже, и оттуде идете в греки"(122. Под 987 г.).

В дошедшем до нас тексте летописи не ясна мотивировка отказа Владимира от веры "немцев": "яко отци наши сего не прияли суть" (100). Чего не приняли предки Владимира? Слово "сего" двусмысленно. Оно могло подразумевать, что предки Владимира не приняли христианского Бога. Однако при выборе вер Владимир не высказывался о чужих богах. По дошедшему тексту, его интересовало, "кто како служить Богу" (122), сами службы и обычаи. Слово "сего", по-видимому, указывало на "пощенье по силе", упомянутое "немцами".

Но почему Владимир сослался на неприятие посильного поста именно своими отцами-предками, в то время как в действительности язычники вообще не соблюдали постов? Даже о постничестве княгини Ольги, крестившейся до Владимира, летопись ничего не упоминала. Зато об ориентации Владимира на предков летопись сообщала снова, даже после крещения Руси: "И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дедню" (142. Под 996 г.). Ссылка Владимира на отцов не была случайной.

Думается, что первоначально, в "Древнейшем киевском своде", в данном эпизоде выражение "пощенье по силе" означало не пост, а близкое по написанию и звучанию, но иное по смыслу выражение: "потщенье", или "потщанье", старание, устремление, усердие по силе в делах веры. Действительно, Владимир в "Древнейшем киевском своде" занимался оценкой вер, а не служб (см.: Шахматов А.А.

3-112

Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 150-151). Доводом за "потщанье", а не пост, служит, пожалуй, и композиция рассказа о выборе веры Владимиром, где указания правил еды или поста никогда не стояли первыми в характеристиках вер. Аналогичное выражение употреблялось уже под 912 г., в договоре Олега с греками: "потщимся, елико по силе" (48. Постараемся, насколько в наших силах), а слово "потщанье" употреблялось в похвале Владимиру под 1015 г.

У позднейших переписчиков летописи, вероятно, возникали какие-то догадки о специфичности смысла здесь слова "пощенье", и в одном из списков XV в. "Повести временных лет" данное место о Владимире и "немцах" было осмыслено без упоминания поста: "Како заповедь ваша?..— Пущение по силе" (Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 83).

Таким образом, отказ Владимира можно объяснить тем, что закоренелому язычнику не понравилась та необязательность, с которой "немцы" следовали заповедям, в противоположность истовости его "отцов", живших "по рускому закону". Таковой, быть может, была версия "Древнейшего киевского свода", позднее затемненная.

На эту версию указывают и добавочные свидетельства, правда, тоже неотчетливые. Как можно догадываться по не совсем внятному изложению, Владимир по-своему понял ссылку "немцев" на изречение апостола Павла: "Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью" (100. Первое послание к коринфянам. X.31. Идентификацию см.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. С. 104). Владимиру не понравилась у "немцев" полная бытовая свобода еды, противоречившая навыкам его "отцов", далеко не все без разбора пивших и евших. Летопись подчеркивала, что не все языческие предки "ядуше все нечисто" (30,32).

Неправильность западного богослужения, вероятно, дополнительно подразумевалась как причина отказа Владимира от предложения "немцев". Недаром в списке XV в. "Новгородской первой летописи", заключавшей донесторовский текст, в соответствующем месте была упомянута именно служба, а не слава: "Аще кто пиеть и ясть, все въ службу Божию творить" (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подгот. А.Н.Насонов. М.;Л., 1950. С. 133). В следовавшем тут же продолжении рассказа о выборе вер, уже в так называемой "Речи философа", "немцы" осуждались за вольность именно в хлебном ритуале: "Служать бо опресноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда. Но повеле хлебомъ служити, преда апостоломъ. Приемъ хлебъ, рек: "Се есть тело мое, ломимое за вы". Тако же и чашю приемъ, рече: "Се есть кровь моя новаго завета". Си же того не творять. Суть не исправили веры" (100. Они служат на опресноках, то есть на облатках, а этого не заповедал Бог. Но повелел он служить на хлебе, что и заповедал апостолам. Взяв чашу, он еще изрек: "Вот мое тело, разламываемое за вас". Немцы же того не творят. Они не исправили свою веру).

И все же остается неясной история летописной версии о богослужебных претензиях Владимира: то ли она присутствовала уже в "Древнейшем киевском своде", то ли стала оформляться только позднее. Наиболее вероятным кажется предположение о том, что первоначальное развитое повествование "Древнейшего киевского свода" о переговорах Владимира с "немцами" затем было сокращено. Оттого в дошедшем тексте оно заметно короче повествования о переговорах Владимира с мусульманами и иудеями. Нестор застал уже сокращенный текст.

Можно высказать гипотезу о более или менее скептическом отношении всех составителей летописи к "немцам" по причине расчетливости, эгоистической рационалистичности "немцев", их нежелания себя утруждать в делах веры. Под 986 г., в "Речи философа" сказано еще мягко: "Ихъ же вера маломь с нами разъвращена" (100. Их вера сравнительно с нашей лишь малость испорчена).

Но далее, под 987 г., посольство Владимира к "немцам" категорично подтвердило: "видехомъ въ храмех многи службы творяща, красоты не видехомъ никоея же" (122. Мы видели их совершающими в храмах множество служб, но красоты не углядели никакой).

Мотив эгоистической, некрасивой и алогичной распущенности "немцев" в вере был продолжен в летописи под 988 г. в большом, открыто полемическом поучении против "немцев", которое поясняло, в чем некрасива и извращена их вера: "Не преимай же ученья от латынь, ихъ ученье разъвращено. Влезъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ. Но стоя, поклонится и, поклонився, напишеть кресть на земли и целуеть. Въставъ, простъ станеть на немъ нагами. Да легъ, целует, а вставъ, попирает. Сего бо апостоли не предаша. Предали бо сут апостоли кресть поставленъ целоват и иконы предаша... Паки же и землю глаголють материю. Да еще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо. Искони бо створи Богъ небо, таже землю... Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою? Да семо ю лобъзаете и паки оскверняете? ... Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всех соборехъ, сходящеся от Рима и от всех престолъ... На 7-мь сборе сходящеся исправляху веру. По семь же сборе Петр Гугнивыи со инеми шедъ в Римъ и престолъ въсхвативъ, и разврати веру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олексаньдрьскаго, и Царяграда, и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сеюще ученье свое разно. Ови бо попове, одиною женою оженивъся, служать, а друзии, до 7-ми женъ поимаюче, служать. Их же блюстися ученья. Пращають же грехи на дару, еже есть злее всего. Богъ да схранить тя от сего" (128,130. Не перенимай ученья у латинян. Их ученье испорчено. Войдя в церковь, они не кланяются иконам. Но, постояв, такой наклонится и, согнувшись, начертит крест на полу и поцелует. Распрямившись, попросту станет на него ногами. То есть, лежа, целует, а встав, попирает. Но этого апостолы не завещали. А завещали апостолы целовать стоящий крест и иконы... Еще римляне землю называют матерью. Раз земля им мать, то отец им небо. Но исконно Бог создал небо, да и землю... Если, по их разумению, земля — это мать, то что же вы плюете на свою матерь? То есть, где ее лобызаете, там и оскверняете? Прежде римляне не творили такое, но исправляли на всех соборах, собираясь от Рима и от всех патриарших престолов... Однако после седьмого собора Петр Гугнивый с другими, войдя в Рим и захватив престол, развратил веру, отвернулся от престолов иерусалимского, александрийского, царьградского и антиохийского. Они взбаламутили всю Италию, сея свое розное учение. У них то служат попы, женившиеся на одной жене, то служат берущие и до семи жен. Надо беречься их ученья. Они даже прощают грехи за мзду, что противнее всего. Сохрани тебя Бог от этого).

Еще дважды в летописи можно заметить отражение мнения о склонности "немцев" к рациональным удобствам и выгодам (но уже не в делах веры) — в рассказе апостола Андрея, неприятно поразившем римлян ("ты слышаше дивляхуся"), о том, как моются новгородцы, "не мучими ником же, но сами ся мучать"(26), и в рассказе под 1075 г. о посольстве германского императора ко внуку Владимира Святославу Ярославичу: «В се же лето придоша сли из немець къ Святославу. Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое. Они же, видевше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволоки, и реша: "Се ни въ что же есть. Се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищуть и больше сего"»(210. В тот же год пришли послы от немцев к Святославу. Святослав, хвастаясь, показал им свое богатство. Но они, увидав бесчисленное множество всего — золото, серебро, шелка,— сказали: "Это ни к чему. Это лежит мертво. Лучше того воины. Мужи добудут и больше этого").

"Немцы" здесь выглядят уже не "дивящимися", но умело расчетливыми. Они тем более расчетливы на фоне аналогичных рассуждений киевских князей. В летописном рассказе под 996 г. Владимир говорил: "Сребромъ и златом не имам

налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дедъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра" (140. Серебром и золотом не соберу дружины, а дружиной соберу серебро и золото, как мой дед и отец добыли дружиной золота и серебра). Владимир имел в виду ближних людей, за верность которых ничем невозможно расплатиться: "Бе бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем" (140. Потому что Владимир любил дружину и с ними советовался о мирском порядке, войнах и мирской законности). "Немцы" же сухо рассчитывали на наемных ландскнехтов.

Под 1073 г. другой внук Владимира Изяслав Ярославич, подобно "немцам", открыто надеялся на наемников, но не смог обратить деньги в воинов: "Изяслав же иде в ляхы со именьем многым, глаголя, яко "симь налезу вои", еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе" (196). "Немцы" же не выглядели такими незадачливыми.

Отношение к "немцам" особенно не занимало летописцев. Оттого упоминания "немцев" в летописи были эпизодичны и не связаны друг с другом, а все прямые и косвенные оценки "немцам" содержались только в высказываниях летописных персонажей, совершенно отсутствуя в речи собственно летописца.

987 г.

«Въ лето 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьские и рече имъ: "Се приходиша ко мне болгаре, рькуще: "Приими законъ нашъ". Посем же приходиша немци. И ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послеже придоша грьци, хуляще вси законы, свой же хваляще. И много глаголаша, сказающе от начала миру о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе. И чюдно слышати их. Любо комуждо слушати их"»(120,122).

Перевод

В 987 году. Владимир созвал своих бояр и городских старцев и сообщил им: "Приходили ко мне болгары, предлагая: "Прими наш закон". Потом приходили немцы. Те хвалили свой закон. Затем пришли евреи. После пришли греки, ругая все законы, а хваля — свой. Они много говорили, рассказывая историю всего мира с самого начала. Они искусные рассказчики. И слышать их чудно. Каждому понравится их слушать".

Комментарий: "немцы"

Эта летописная статья продолжила рассказ о выборе веры киевским князем Владимиром Святославичем. Приведенный отрывок находился уже в "Древнейшем киевском своде" 1039 г. (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 148-151, 560).

Летопись упоминала о том, что "немцы" хвалили свой закон. Слово "хвалили" у летописца указывало не только на содержание речи "немцев", но и на красоту ее формы. Ведь греки тоже "хвалили" свой закон, и тут же в летописной статье пояснялись составные смысловые элементы понятия "хвалити": это говорить много и "хитро", так что такую речь слушать "чудно" и "любо". В других местах летописи обозначение "хвалити" тоже подразумевало красивую форму речи и сопровождалось примерами довольно больших изысканных похвал (под 969, 988, 1015, 1037 гг. и пр.). В том, как "немцы" хвалили свой закон, тоже можно убедиться по их речи, переданной летописцем под 986 г. Она довольно риторична.

Если посмотреть, какие относительно большие и, следовательно ценимые речи иноземцев цитировались летописцами в "Повести временных лет", то это только речи греков и "немцев" ("немецкие" речи — апостола Андрея из Рима во вступлении к летописи, моравского князя Ростислава и немецкого вассала Коцела под 898

г., римского папы под тем же 898 г., римского папы под 986 г.). Однако как примирить скептическое отношение летописцев к "немцам" со скрытым признанием "немецкой" речевой искусности? Дело не в греках или "немцах" самих по себе. Посланцы Владимира по странам искали красоту в богослужении, а летописцы — в христианских речах. Судя по статье под 986 г., булгары-магометане тоже говорили настолько неплохо, что Владимир их "послушаше сладко" (98). Однако по отношению к ним летописец не применил слова "хвалити", считая красивыми только христианские греческие и "немецкие" речи. Только в христианских речах летописцы отмечали красоту их содержания и формы, в том числе в христианских речах, звучавших на Руси (ср.: хотя апостолы не были на Руси, "но ученья ихъ аки трубы гласять" — 98. Под 983 г. "Събысться пророчество на Русьстей земли, глаголющее: "Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых" ...и Господь ...хвалимъ от русьскых сыновъ, певаем въ троицы" — 134, 136. Под 988 г. Глеб о Борисе: "Где суть словеса твоя, яже глагола къ мне... Ныне уже не услышу тихаго твоего наказанья" — 150. Под 1015 г. Летописец о митрополите Иоанне: "хытръ книгамъ... речистъ же" — 218. Под 1089 г. И пр.) "Немцы" были хороши лишь тем, что они христиане.

996 г.

"И бе живя съ князи околними миромь — и съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскимь, и съ Андрихомь Чешьскымь. И бе миръ межю ими и любы" (140).

Перевод

Он жил в мире с окружающими князьями — с Болеславом Польским, со Стефаном Венгерским, с Андрихом Чешским. Между ними царили мир и любовь.

Комментарий: Польша, Венгрия, Чехия

В летописной статье рассказывается о церковной, благотворительной и законодательной деятельности киевского князя Владимира Святославича после крещения Руси (не только в 996 г.); в том числе сообщается о внешнеполитическом положении страны. Фраза "и бе миръ межю ими и любы" намекала на некие мирные договоры Владимира со странами, ибо подобное словосочетание было характерно именно для текстов довогоров, в которых повторялась формула "мир и любовь": "мира и любви" (52. Договор Олега с греками), "обновити ветьхий миръ... и утвердити любовь" (60. Договор Игоря с греками), "миръ с тобою твердъ и любовь", "мир и свершену любовь" (86. Договор Святополка с греками).

Можно определить то, что являлось самым главным во взгляде летописца на другие страны. Князья, то есть, в сущности, страны, были перечислены летописцем по напряженности военных отношений Руси с ними. Первой упоминалась Польша, потому ч о с ней приходилось воевать чаще всего. Летопись многократно сообщала о сражениях с поляками, о походах друг на друга, о бегстве в Польшу и приводе поляков кем-либо из русских князей, о избиении поляков на Руси и пр. Второй упоминалась Венгрия, потому что, хотя память о венграх тоже была в основном военной, однако, о них летописцы вспоминали гораздо реже. Третьи — чехи: совсем редкие упоминания летописи о чехах затрагивали тоже их военные отношения, но не с Русью, а с другими странами. Польша, Венгрия и Чехия воспринимались летописцем лишь как военные факторы. Прочие "околные" западные народы, (например, хорваты, мазовшаны), как правило, упоминались в летописи тоже в связи с военными событиями.

Преимущественно военный подход к народам и странам, включая восточные и южные, в свою очередь, объясняется слежением летописцев (до Нестора и особенно

3*- 112

самого Нестора) за разделением земель и владений между властителями. Разделение и перераспределение земли — главнейшая тема "Повести временных лет" с начала и до конца. Тот же владетельный интерес отразился и в вышеприведенном отрывке. (Ср.: "Здесь метко оценена вся деятельность Владимира I по территориальному определению Киевской державы и введению ее в устойчивые международные отношения" — Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 350). Вот почему каждый "князь" был четко назван по обладаемой стране.

В целом же этот перечень правителей передал представление о блеске внешних связей Владимира, завершив серию перечней, относившихся к Владимиру (перечисление разнородных богов его пантеона и иностранных его жен под 980 г., перечисление посольств к нему из различных стран под 986 г.). Аналогичный мотив был использован уже в речи Святослава под 969 г., а до того — при перечислении состава княжеских войск под 882, 907, 944 гг. Далее, в рассказах о времени после Владимира этот, очевидно, архаический прием украшающего перечисления больше не использовался в летописи.

1015 г.

"И помолившюся ему, възлеже на одре своем. И се нападоша, акы зверье дивии около шатра. И насунуша и копьи и прободоша Бориса. И слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бе бо сей любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угърескъ, именемь Георги. Его же любляше повелику Борисъ. Бе бо возложилъ на нь гривну злату велику. В ней же предъстояше пред нимь. Избиша же и ины отроки Борисовы многи. Георгиеви же сему не могуще вборзе сняти гривны съ шие, усекнуша главу его. И тако сняша гривну. А главу отвергоша прочь. Темже послеже не обретоша тела сего въ трупии"(148).

Перевод

Помолившись, Борис возлег на своей постели. Но вот к шатру набежали убийцы, как дикое зверье. Они проткнули шатер копьями и пронзили Бориса а с ним — его слугу, упавшего на него. Этот слуга был любимец Бориса. Этот отрок происходил родом из венгров, по имени Георгий. Его сильно любил Борис и возложил на него большую золотую гривну. В ней тот предстоял перед ним. Убийцы перебили и многих других Борисовых отроков. Когда убийцы не смогли сдернуть гривну у Георгия с шеи, то они отсекли ему голову. И так сняли гривну. А голову отбросили прочь. Оттого после искавшие не нашли его тела среди множества трупов.

Комментарий: венгр Георгий

В летописной повести о злодейском убийстве Бориса и Глеба, сыновей киевского князя Влади ира Святославича, действовал слуга Бориса, персонаж западного происхождения — венгр Георгий. Можно предполагать, что эту повесть создал сам составитель "Древнейшего Киевского свода", а сведения о Георгии он взял из недошедшего до нас "Жития Антония Печерского" (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 86-87, 92-93, 573).

Однако сведения о Георгии летописец изложил, вероятно, по-своему. Для него главным была, конечно, верность слуги князю, но характеристика этого слуги отразила и отношение летописца к Георгию как, так сказать, к неправильному человеку, с которым все происходило не по правилам.

"Неправильным" являлось положение Георгия, которое летописец подчеркнул: "Бе бо сей любимъ Борисомь... его же любляше повелику Борисъ". В летописи князья любили своих отцов и сыновей и пр., а не слуг. (Разве что под 986 г. в "Речи философа" пересказывалась библейская история о четырехлетнем Моисее, которого полюбил египетский фараон. Но Моисей был слишком мал, чтобы стать

слугой и наперсником фараона, да и потом им не стал). Летописцу показалась неправомерной княжеская любовь к собственному слуге, да еще любовь "повелику" (интересно, что в "Сказании о Борисе и Глебе" более явно выражено неодобрение: "Бе любимъ Борисъмь паче меры" — Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд.подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. С. 48. Стб. 2). Выражение "любить кого-либо повелику" подразумевало, в первую очередь, обильную материальную поддержку от любящего: "любяше дружину повелику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше" (164. Под 1036 г.); "попы любяше повелику... и дая имъ отъ именья своего урокъ" (166. Под 1037 г.) и пр. Летописец не приветствовал странное, чрезмерное материальное внимание князя к своему слуге, украшенному гривной.

"Неправильной" являлась внешность Георгия: Борис "възложилъ на нь гривну злату велику. В ней же предъстояше пред нимь". Но ведь не княжеский слуга, а, наоборот, князь перед окружающими должен был красоваться в золотой гривне, да еще большой. Автору был знаком библейский мотив отличения героя золотой гривной (ср.: "Бытие", гл. 41, ст.42: "И възложи гривну злату на выю его"; "Книга пророка Даниила", гл. 5, ст. 29: "И гривну златую възложиша на выю его" — Библия. Острог, 1581. Л. 20. стб. 1; Л. 154. Стб. 1. Благодарю Л.И.Щеголеву за указание этих параллелей). Но в Библии отличали вовсе не слуг и отсутствовал мотив их предстояния перед господином.

"Неправильной" была и дальнейшая судьба Георгия. Он погиб, пронзенный вместе с Борисом одним копьем, в положении тесной телесной приникнутости к князю: "падша на нем, прободоша с нимь". Эта часть фразы напоминает парадокс. Слугам положено было находиться на расстоянии от князя.

С Георгия сорвали гривну: убийцы пытались с него "вборзе сняти гривны с шие... и тако сняша гривну". Сообщение это снова приближалось к парадоксу, высказанному кратко, но тоже с повтором главного слова. Ведь так с уважаемым человеком обычно не расправлялись,— странная, отвратительная ситуация.

У Георгия отсекли голову: "усекнуша главу его... а главу отвергоша прочь",— еще одно парадоксальное сообщение, с упором на ударное слово и усугублением ситуации к концу фразы. Так свирепо в летописи не расправлялись, тело не расчленяли.

Наконец, тело убитого не смогли опознать: "послеже не обретоша тела сего въ трупии",— заключительный парадокс, ибо опознание чьего-либо тела обычно не вызывало затруднений, даже среди множества трупов (см., например, под 977 г.). Логика рассказа вовсе не требовала упоминания о поисках тела Георгия (без этого упоминания изложение развивалось бы, не отклоняясь от главной темы: убийцы пронзили Бориса и его слугу, у слуги отрубили голову и сняли гривну, Бориса же завернули в шатер и повезли на повозке). Однако летописцу хотелось сообщить все известные ему детали странной судьбы Георгия.

Необычны были имя и происхождение:"сынъ угърескъ, именемь Георги". Когда надо было выделить происхождение человека или его имя, летописец употреблял пояснения "родом такой-то" и "именемь такой-то", а не просто обозначал национальность и имя персонажа. И действительно, конкретные венгры упоминались в летописи очень редко (еще дважды: король Стефан под 996 г. и король Коломан с епископом Купаном под 1097 г.), а имя Георгий относилось лишь еще к одному реальному человеку (к греку митрополиту под 1051, 1072, 1073 гг.).

Венгров летописцы не раз связывали с необычными (не половецкими ли?) предметами обихода — с вежами (под 898 г.), с серебром и особыми конями (под 969 г.), с игрой в мяч (под 1097 г.).

Украшенная или почетная одежда иноземцев ощущалась как зловещий признак. Она несла неудачи и несчастья тем, кто ее носил: деревляне (а они "чужие") "в великихъ сустугахъ гордяшеся" (величаясь в крупных застежках), были убиты (70.

Под 945 г.); варяг Якун, на котором была маска, отделанная золотом (или плащ) проиграл сражение и потерял свое украшение ("луда бе у него золотом истъкана... отбеже луды златое" — 162. Под 1027 г.).

1018 г.

"В лето 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы. Ярославъ же, совокупивъ русь, и варягы, и словене, поиде противу Болеславу и Святополку. И приде Волыню. И сташа оба полъ рекы Буга. И бе у Ярослава кормилець и воевода именемь Буды. Нача укаряти Болеслава, глаголя: "Да то ти прободемъ трескою черево твое толъстое!". Бе бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы седети. Но бяше смысленъ. И рече Болеславъ къ дружине своей: "Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну". Вседъ на конь, вбреде в реку. И по немь — вои его. Ярослав же не утягну исполчитися. И победи Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убежа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь" (156, 158).

Перевод

В 1018 г. Болеслав со Святополком и поляками пошел войной на Ярослава. Ярослав, соединив русь, варягов и новгородских словен, вышел навстречу Болеславу и Святополку. Он подошел к городу Волыню. Они остановились по обеим сторонам реки Буга. У Ярослава служил дядька и воевода по имени Буды. Тот начал уязвлять Болеслава, выкрикивая: "А вот проткнем колом брюхо твое толстое!" Ибо Болеслав был настолько дороден и грузен, что не мог усидеть даже на коне. Однако он бывал смышлен. Болеслав обратился к своей дружине: "Если вас не обидело такое оскорбление, то я один погибну". Воссев на коня, он поехал вброд через реку. А за ним — его воины. Ярослав же не успел исполчиться. Болеслав победил Ярослава. Ярослав с четырьями мужами бежал в Новгород. Болеслав со Святополком вошел в Киев.

Комментарий: Болеслав

Рассказывается о произошедшем после смерти Владимира Святославича захвате Киева польским королем Болеславом I Храбрым, который поддержал князя Святополка Владимировича Окаянного, боровшегося за власть со своим сводным братом князем Ярославом Владимировичем. Этот отрывок позволяет коснуться вопроса о делении людей на "своих" и "не своих", "чужих", в "Повести временных лет".

Рассмотрим, в частности, как летописец (предшественник Нестора) отнесся к польскому королю Болеславу, внезапно пришедшему "с ляхы" из Польши. Летописный текст содержит выразительную характеристику короля: "черево толъстое", "великъ и тяжекъ". Хотя первая оценка, броская и грубая, высказана персонажем, а вторая, более общая и мягкая, принадлежит самому летописцу, но они поставлены вместе, вторая поясняет первую. Летописец был согласен с первой оценкой Болеслава и подчеркнул ненормальность или необычность короля, который в действительности вряд ли был так уродлив или удивителен. Летописец, в сущности, отделил польского короля от нормальных людей, хотя и не проявил явного отношения к королю как к "чужому".

К характеристике Болеслава летописец добавил еще одну яркую деталь: король был настолько грузен, "яко и на кони не могы седети", то есть, как можно понять, не садился на коней вообще. Это тоже ненормально, тем более для короля. На самом деле Болеслав, конечно, ездил на коне, что невольно подтвердил летописец двумя-тремя строчками ниже ("вседъ на конь"). Отлучив Болеслава от конской езды, летописец снова отлучил его от нормальных людей, подталкивая в разряд "чужих".

В характеристике Болеслава присутствовала деталь, не столь бросающаяся в глаза, но существенная: "Да то ти прободемъ трескою". Королю угрожали позорящей смертью — не от меча, сабли, копья или стрелы, а от жерди, кола. Недаром Болеслав так оскорбился: его выключали из состава благородных воинов. Сам летописец понимал оскорбительность этой угрозы (назвав ее словом "укаряти"), однако по ее существу не возразил, допуская возможность перевода Болеслава в более неблагородный ряд.

Смысл данного места "Повести временных лет" помогают проверить его переписчики, которые в списках XV в. заменили непонятное слово "треска" словом "тростие": "Да чрево твое толъстое прободемъ ти тростью" (Летопись по Лаврентиевскому списку. 139). В результате возможно, изменился смысл фразы. "Тростью" обычно оборонялись от вредных существ, нечистой силы и пр. Например, в "Успенском сборнике": "Тръсть пагуба есть змиемъ" (349). В той же "Повести временных лет" "тростью" избавлялись от нечистой силы в рассказе под 912 г. (54), стали Перуна "тети жезльемь", отделываясь от него, в рассказе под 988 г. (132). Так что Болеславу, словно нечистой силе, грозили воткнуть "трость" в брюхо. Хотя подобная ассоциация у переписчиков не была четкой, но показательно, что они продолжали отделять Болеслава от нормальных людей и даже чуть решительней отнесли польского короля к чуждым существам.

Отметим еще одну деталь в эпизоде с Болеславом. Воевода Будый как бы стоит напротив короля ("сташа оба полъ рекы"), рассматривает его, притом неприязненно. Будый относится к Болеславу как к "чужому". Летописец, пожалуй, был солидарен с Будыем. В общем, летописец находился лишь на подступах к характеристике персонажа как "чужого".

Разные летописцы, участвовавшие в создании "Повести временных лет", только приближались к резкому отличению "чужих" персонажей от "своих". Способы характеристик аналогичны в рассказах: об обрах во вступительной части летописи, о печенежине под 992 г., о "детинце" под 1065 г., о богах народа чуди под 1071 г., о митрополите Иоанне под 1089 г. Все это незваные пришельцы в той или иной мере: обры (авары) напали на славян, печенежин вместе с печенежским войском пришел на Русь тоже извне, митрополит Иоанн был приведен из Византии, неведомого "детища" (младенца) выловили со дна реки, чудские боги подымаются из "бездны".

Летописцы постоянно отмечали неприятную, необычную внешность нежданных пришельцев: обры — "теломъ велици и умомъ горди" (30), печенежин — "превеликъ зело и страшенъ" (138), "детищь" — "на лици ему срамнии удове" (178), чудские боги "суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще" (192), о митрополите Иоанне, очевидно, очень изможденном, люди сказали: "Се навье пришелъ" (220. Это мертвец пришел).

К этим главным признакам "чуждости" пришельцев летописцы иногда добавляли замечания о неприязненном рассматривании их необычной внешности, очевидно, нормальными людьми: уродливого "детища... позоровахомъ до вечера... иного нельзе казати срама ради" (178. Младенца мы разглядывали до вечера... о прочем же и упомянуть стыдно), страхолюдного митрополита "видевше людье вси рекоша" (220. Все люди, видевшие его, обозвали его), хромого Ярослава рассмотрели, пока "стояша месяца 3 противу собе" и стали его "укаряти" (156. Стояли около трех месяцев друг против друга и стали его поносить).

Сравнительно редко указывалось на странный, чуждый нормальному образ жизни пришельцев: обры "не дадяше въпрячи коня, ни вола", но ездили на людях (30), чудские боги "живуть... в безднахъ", боятся креста (192), митрополит Иоанн — "скопьчина" (220. Скопец)...

Иногда в той же летописной статье добавлялась еще одна примета "чуждости" пришлых персонажей — их недостойный конец: обры — "Богъ потреби я, помроша

вси, и не остася ни единъ объринъ" (30. Бог истребил их, все они перемерли, ни одного обрина не осталось в живых), страшный печенежин — "удави печенезина в руку до смерти" (138. Удавил печенежина до смерти своими руками), уродливый "детищ" — "пакы ввергоша и в воду" (178. Снова выбросили его в реку), пугающий худобой митрополит — "от года бо до года перебывъ, умре" (220. С год протянув, помер). Рассказ о Болеславе находился в ряду рассказов о "чужих" пришельцах.

Признаки, по которым персонажей можно было отнести к "чужим", еще не составились у летописцев в четкую систему. Поэтому в некоторых рассказах они использовали далеко не все, иногда и не самые яркие мотивы "чуждости". Например, в повествовании под 945 г. о древлянах, пришедших из своей деревлянской земли в Киев, и в повествовании под 1015 г. о туровском князе Святополке Окаянном, насильно вокняжившемся в Киеве, не сообщалось о дурной внешности этих пришельцев, однако говорилось об их странном поведении (древляне объявили: "Не едемъ на конех" — 70. Святополк же совсем "не можаше седети на кони" — 158), а затем упоминалось об их позорной смерти (древлян было велено "засыпати я живы, и посыпаша я" — 70. Засыпать их живыми, и полностью засыпали их. Святополк же "прибежа в пустыню... испроверже зле животъ свой" — 158. Прибежал в пустыню... мерзко испустил свой дух). Среди рассказов о чужаках рассказ о Болеславе содержит, пожалуй, самый полный набор соответствующих мотивов.

Однако характеристику Болеслава летописец закончил неожиданной похвалой: "Но бяше смысленъ" (156). Этот эпитет в "Повести временных лет" прилагался только к "своим". Болеслав не воспринимался летописцем как исконный враг или абсолютный чужак. Мнение о "своих" или "чужих" еще было половинчатым, колеблющимся. В других рассказах летописцы учитывали вдруг отношение "чужого" персонажа к "нашему", и тогда, например, Ярослав представал "чужим", а печенежин неприязненно разглядывал русского воина ("узре и печенезинъ и посмеяся" — 138. Печенег увидел его и надсмеялся над ним). Нечетко оформившееся и неустойчивое деление людей и народов на "своих" и "чужих" было типично для "Повести временных лет", в том числе и для рассказа о Болеславе (см.: Дёмин А.С. "Свои" и "чужие" этносы в "Повести временных лет" / Славянские литературы: XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 3-14).

1019 г.

"В лето 6527... Святополкъ бежа... Не можаше терпети на единомь месте и пробежа Лядьскую землю. Гонимъ Божьимъ гневомъ, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы. Испроверже зле животъ свой в томъ месте" (158).

Перевод

В 1019 году... Святополк бежал... Ему было невыносимо останавливаться на одном месте, и он пробежал через Польскую землю. Гонимый Божьим гневом, он прибежал в пустыню между Польшей и Чехией. В том месте он мерзко испустил свой дух.

Комментарий: пустыня между Польшей и Чехией

В этой статье рассказывается о бесславной смерти Святополка Окаянного, первого князя-братоубийцы на Руси. Обозначение места его смерти — "межю Ляхы и Чехы",— вероятно, восходило к западнославянской поговорке "между чехы и ляхы", которая имела иносказательный смысл "Бог знает где", но была осмыслена летописцем как обозначение реальной местности (см.: Ильин Н.Н. Летописная

статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М., 1957. С. 43-44, 138, 156-157). В упоминании о "пустыне" между ляхами и чехами отразилось представление летописца о границах между странами. Пустыню между Польшей и Чехией летописец мыслил не единственной в своем роде. Пустыни еще назывались в летописи. Например, пустынями отделялась Мадиамская земля от Египта и от Красного моря (108, 110. Под 986 г.); Етривская пустыня существовала "межю встокомь и севером" (242. Под 1096 г.); некоторые запустелые, ставшие безлюдными места в Византии и на Руси напоминали пустыни (84. Под 971 г.; 232. Под 1093 г.). Кроме того, между Византией и Русью отмечались и "страшны места" (48. под 912 г.). Все это были области, пограничные между населенными землями. Летописцы не проводили линейных границ между землями, не руководствовались зримыми картографическими "пятнами", а вместо границ подразумевали некое широкое пространство между "точками" или областями, то есть ориентирами политическими, географическими или ландшафтными. Так обозначались переходы не только между странами, но и между раем и адом, владениями братьев, городом и пригородом и пр. Зачаток будущей категории границы можно отметить у летописцев лишь при упоминании ими ограды ("столпья") монастыря или ворот городской стены. Из сочинения Мефодия Патарского было заимствовано также упоминание о воротах в цепи гор, сомкнувшихся вокруг "нечистых" народов (под 1096 г.). И это все. Границу между Польшей и Чехией летописец просто не был в состоянии провести.

1024 г.

"В лето 6532. Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Кыеву. И не прияша его кыяне. Онъ же, шедъ, седе на столе Чернигове. Ярославу сущю Новегороде тогда... Ярославъ... посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы. И бе Якунъ слепъ. И луда бе у него золотомь истъкана. И приде къ Ярославу. И иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава. Мьстиславъ же слышавъ, взиде противу имъ к Листвену... И бысть сеча силна... Виде же Ярославъ, яко побежаемъ есть, побеже съ Якуномъ, княземь варяжьскым. И Якунъ ту отбеже луды златое. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море" (162).

Перевод

В 1024 году. Когда Ярослав находился в Новгороде, Мстислав пришел из Тмуторокани в Киев. Но киевляне не приняли его. Он ушел и все же сел на княжеском престоле в Чернигове. Ярослав тогда оставался в Новгороде... Ярослав... послал за море за варягами. С варягами приплыл Якун. Якун был слепой. У него имелась маска, вытканная золотом. Он пришел к Ярославу. Ярослав с Якуном пошел на Мстислава. Мстислав, услышав об этом, вышел навстречу им к городу Листвену... Произошла сильная сеча... Ярослав, увидев, что его побеждают, побежал с Якуном, варяжским князем. Тут Якун потерял золотую маску. Ярослав вернулся в Новгород, а Якун уплыл за море.

Комментарий: Якун

В повествовании о борьбе за киевское княжение между сыновьями Владимира Крестителя Ярославом и Мстиславом упомянут варяжский князь Якун, летописная характеристика которого остается двусмысленной: то ли он был слеп (если текст читать: "и бе Якунъ слепъ"), то ли был красив (если текст читать: "и бе Якунъ сь лепъ". См.: Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканой луде // ЖМНП. СПб., 1858. Ч. 98. N 4-6. Отделение 2. С. 74-76). Пока не удается найти бесспорные доводы в пользу одного из двух возможных прочтений. Сообщение о слепоте Якуна кажется чуть более предпочтительным. Имеющиеся данные делятся на несколько групп.

исторических данных об Якуне — Акуне — Гаконе, упоминаемом также в "Эймундовой саге", нет (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 371).

Текстологические данные свидетельствуют как будто о слепоте Якуна. Слово "слепъ" стоит во всех важнейших списках "Повести временных лет" (см.: Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 144; "Ипатьевская летопись" // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 135; "Софийская первая летопись" // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 135). Однако можно предположить, что слово "слепъ" распространилось в результате очень давнего искажения; в "Древнейшем киевском своде" 1039 г. стояло выражение "сь лепъ", но уже в своде Никона 1073 г. оно заменилось словом "слепъ". Текстологически опровергнуть или подтвердить такое предположение нечем. Вопрос о слепоте или красоте Якуна на основе текстологии пока не разрешаем.

Фразеологические данные, пожалуй, позволяют отрицать прочтение "сь лепъ", потому что оно делает не совсем обычной форму всей фразы. Тут два довода. Во-первых, при таком прочтении указательное местоимение оказывается стоящим после имени ("Якунъ сь"), в то время как в тексте "Повести временных лет" указательные местоимения "сь", "сей" и пр., как правило, ставились перед именами личными. Однако есть и два исключения: "Георгиеви сему" (148. Под 1015 г.), "Ярославъ же сей" (166. Под 1037 г.), После нарицательных же существительных соответствующие местоимения встречались нередко. Так что этот довод нетверд.

Второй довод: слово "лепъ" не имеет пояснения, в то время как в тексте летописи обычно уточнялось, чем именно "лепъ", "добръ" или красив персонаж,— ростом, лицом, взором, душою (эта неловкость изложения отмечена: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских рукописных сводах. С. 646). Однако уточнение делалось не всегда. См., например, под 986 г.: "женъ красныхъ", "едину красну" (98), "отроча красно" (108). Так что не удается решительно отвергнуть прочтение "сь лепъ".

Более того. Напрашивается довод за прочтение "сь лепъ". Ведь фраза начинается с глагола: "Бе Якунъ сь..." А при таком глагольном начале определение, в том числе местоимение "сь", постоянно ставилось после определяемого слова: "Бяше отрокъ сь..." (148. Под 1015 г.), "да буди... крестъ сь" (260. Под 1097 г.), "бе же варягъ той..." (96. Под 983 г.), "бысть же князь ихъ..." (35. Под 1061 г.) и пр. Однако не так уж редко определение находилось в препозиции: "И бе вся земля..." (106. Под 986 г.), "бе же и другый старець..." (202, Под 1074 г.), "бе же сей мужь..." (220. Под 1089 г.), "быша си злая" (230. Под 1093 г.) и т.д. Значит, и этот довод не срабатывает. Таким образом, фразеологические данные тоже не вносят ясности в вопрос о слепоте или красоте Якуна.

Данные контекста рассматриваемой летописной статьи можно толковать как косвенные указания на слепоту Якуна. Ведь сообщается, что на нем была маска ("луда"), уместная для слепца (см.: Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1988. Кн. 1, Т. 1-4. Примечания ко второму тому Стб. 13-14. Примеч. 27). Однако же опять: значение слова "луда" не ясно, оно могло означать и шлем, латы, плащ (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 371; Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Ч. 1. Стб. 49; Крымский А.Е. Древнекиевский говор // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. 11, кн. 3. С. 396).

Другое контекстное указание: Ярослав с поля битвы "побеже съ Якуномъ". Почему он побежал с Якуном вместе? Обычно потерпевшие поражение бегут "разно", то есть врозь. Ярослав же бежал с Якуном, как можно предположить, потому что тот был слеп, а слепого необходимо было сопровождать. Сходная ситуация в летописи была обрисована только что, под 1015 г. Бежавший с поля битвы и разболевшийся Святополк не мог сам передвигаться, его несли на носилках. Поэтому он требовал от отроков: "Побегнете со мною". И рассказчик

подчеркивал: "бегающе с нимь", "бежаху с нимь" (158). Некоторые другие упоминания совместного бегства в летописи тоже были значащими, хотя подразумевались не болезни, а иные неприятные обстоятельства в жизни действующих лиц. Например, под 977 г.: "побегьшю же Олегу с вои своими" в такой панике и даже, что Олега эти воины спихнули с моста (88); под 1093 г.: "побеже и Володимеръ с Ростиславомъ" настолько спешно, что Ростислав утонул в реке рядом с Владимиром (230); под 1018 г.: "Ярославъ же убежа съ 4-ми мужи" — так поразительно мало осталось от его войска, что ему пришлось набирать воинов заново (158). Однако иногда подобные словосочетания не означали ничего кроме парности лиц: "Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побегшю" (184. Под 1068 г.); "бежа Игоревичь Давыдъ с Володаремь Ростиславичемь" (216. Под 1981 г.). Следовательно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что бегство Ярослава с Якуном было обусловлено слепотой Якуна. Контекстные данные не дают возможности сделать однозначный вывод.

Наконец, приходится учитывать соответствие той или иной характеристики Якуна типичным мотивам в летописи. Если Якун был слепым и носил маску, оттого имея зловещий вид, то такой облик варяжского пришельца перекликался с летописной обрисовкой неприятной или угрожающей внешности других пришельцев. Золотая маска делала Якуна похожим на идола, "кумира", а у идолов летопись обычно отмечала золотые или позолоченные части, либо их золотое тело (94, 106, 112. Под 980 и 986 гг.).

Однако мотив красивого Якуна, одетого в золотой плащ, тоже находит соответствие в летописи. Красивыми летописцы называли и не русских персонажей, употреблялось даже обозначение"бесовьская лепота" (192. Под 1971 г.). Золотой наряд и вообще дорогая одежда оказывались знаком несчастья (см. комментарий к статье под 1015 г.). Конкуренция мотивов ничего не решает.

Итак, несмотря на обилие доводов, нельзя установить, какое чтение в летописи было первоначальным, был ли Якун красив или слеп. Удивляет равнодушие летописцев к двусмысленности этого изложения, хотя обычно летописцы были щедры на пояснения. Можно предположить, что этот "текст намеренно был написан так, что допускал двойственное прочтение" (Данилевский И.Н. Библеизмы "Повести временных лет" // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 3. С. 95). Скорее всего, дело не в летописце. В данной летописной статье очень компилятивной (см. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 179, 223-225, 425), составитель, сводивший источники, невольно отразил литературные особенности какого-то источника, содействовавшие яркости, но не строгой ясности повествования. Действительно, "слеп" и "сь лепъ" — это как бы игра слов. Что-то похожее на каламбуры и игру словами в тексте статьи встречается еще: "привезоша *жито* и тако *ожиша*", "нача *сечи* варяги, и бысть *сеча* силна"; "видев же Ярославъ, яко *побежаемь* есть, *побеже* съ Якуномъ, княземь варяжьскым, и Якунъ ту *отбеже* луды златое" (162). Кроме того, слово "гроза" было употреблено в статье сразу в двух смыслах — "дождь, гроза" и "страх, борьба" ("И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна". В другом месте летописи слово "гроза" употреблялось лишь в смысле "угроза, противостояние": "стояче в грозе сей" — 228. Под 1093 г.). На результаты только небрежности летописца при компилировании материалов все это как-то не похоже. Однако не ясно, каков был необычный своей словесной изощренностью источник летописца XI в. (киевский? фольклорный? поэтический?).

1030 г.

"В лето 6538... В се же время умре Болеслав Великий в лясехъ. И бысть мятежь в земли лядьске. Вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя. И бысть в них мятежь" (164).

Перевод

В 1030 году... В это же время умер Болеслав Великий в Польше. В польской земле произошел мятеж. Восстав, люди перебили своих епископов, попов и бояр. Мятеж продолжился уже среди них.

Комментарий: Болеслав Великий

Приведенное сообщение пример краткого официального летописного сообщения, составленного по специфическим правилам. Польского короля Болеслава I Храброго летописец назвал "великим" вовсе не от великого уважения. Несколько раньше, под 1018 г., возможно, тот же предшественник Нестора саркастически записал, что Болеслав был "великъ и тяжекъ" (156). В прочих местах летописи прозвание "великий" прилагалось только к библейским и церковным лицам. В данном же случае летописец не намекал ни на рослость, ни на духовность польского короля, но просто повторил то, как его именовали другие люди, поляки: Болеслав был "великый в лясехъ". Составители летописи употребляли лишь широко бытовавшие прозвища, что и оговаривали: "И прослу якоже великий Антоний... И уведан всеми великий Антоний" (170. Под 1051 г.); "си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь" (44. Под 907 г. Ср. 30); "и прозваша Олга вещий" (46. Под 907 г.); "Левонъ... иже Левъ прозвася" (40. Под 887 г.); "Ивану, нарицаемому Цемьскию" (86. Под 971 г.).

Упоминание летописца о мятеже в Польше было шаблонным: с теми же деталями и в тех же выражениях летописцы рассказывали и о других мятежах и избиениях (ср. под 1024, 1071, 1093, 1097 гг.) Нет уверенности в том , что летописец считал смерть Болеслава причиной мятежа. Все лаконичное повествование о Польше составилось, по-видимому, методом формальной сводки двух несвязанных сообщений — о смерти Болеслава и о мятеже. Поэтому Польша получилась названной в соседних фразах по-разному: "в лясехъ", "в земли лядьске" (эти названия не связаны, иначе было бы: "в лясехъ... в земли ихъ").

Как только киевские летописцы касались событий собственно в западноевропейских странах, летописное изложение становилось отрывочным, шаблонным, малосодержательным. Рассказывая о поляках, летописец в основном отделывался формулами и привычной фразеологией. Ср. другой рассказ о поляках, под 1069 г.: польский отряд пришел в Киев, и князь "распуща ляхы на покорм. И избиваху ляхы отай. И возвратися в ляхы Болеславъ, в землю свою" (186. Распустил поляков на покорм. Киевляне тайком убивали поляков. Болеслав возвратился в Польшу, в свою страну.— Речь шла уже о другом польском короле — Болеславе II). Этот рассказ, в сущности, явился сокращенным повторением предыдущего эпизода под 1018 г. о приходе поляков в Киев: "И рече Болеславъ: "Разведете дружину мою по городомъ на покормъ". И бысть тако... Окаяньный же Святополк рече: "Елико же ляховъ по городомъ, избивайте я". И избиша ляхы. Болеславъ же побеже ис Кыева... и приде в свою землю" (158). Таким образом, сообщение под 1030 г. о Болеславе I Храбром не дает возможности выявить авторское отношение летописца к польскому королю.

1073 г.

"В лето 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей — Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, бысть съ себе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева. Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ месяца марта 22 и седоста на столе на Берестовомь, преступивша заповедь отню. Святослав же бе начало выгнанью братню, желая болшее власти. Всеволода бо прелсти... И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в ляхы со именьем многым

глаголя, яко "симь налезу вои". Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе" (194, 196).

Перевод

В 1073 году. Дьявол раздул ссору среди этой братии — у Ярославичей. Когда между ними разразилась ссора, то Святослав вместе со Всеволодом выступил против Изяслава. Изяслав ушел из Киева. В Киев 22 марта вошли Святослав и Всеволод и в селе Берестовом заняли княжеский престол, преступив отцовское завещание. Святослав стал зачинателем изгнаний братьев из-за своего желания большей власти. Он прельстил Всеволода... И так он натравил Всеволода на Изяслава. Изяслав же со многим богатством направился в Польшу, похваляясь что "этим богатством наберу воинов". Все это богатство поляки получили от него, да и отправили Изяслава от себя прочь.

Комментарий: поляки

В летописной статье, рассказывающей о распре между сыновьями киевского князя Ярослава Владимировича, поляки представлены как обманщики: плату получили, а оплаченного не дали. Аналогичная история рассказана далее, в статье под 1097 г. о распре уже между внуками Ярослава: поляки "обещашася помогати" Давыду против Святополка "и взяша у него злата 50 гривен", но "солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка" (260). Хотя летопись сообщала о случаях корыстной непорядочности только поляков, не заметно, чтобы у летлописцев сущестовало такое мнение о поляках вообще. И все же любопытно, что в статье под 1074 г. бес, заставлявший монахов заниматься обманом, появился именно "въ образе ляха"(202).

1074 г.

"Бе же и другый старець, именемь Матфей. Бе прозорливъ. Единою бо ему стоящю в церкви на месте своемь, възведъ очи свои, позре по братьи, иже стоять поюще по обема странама на крилосе и виде обиходяща беса въ образе ляха, в луде и носяща в приполе цветъчкъ, иже глаголется лепокъ. И обиходя подле братью, взимая из лона лепокъ, вержаше на кого любо. Аще прилняше кому цветокъ в поющихъ от братья, мало постоявъ и расслабленъ умом, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шедъ в келью и усняше. И не възвратяшется в церковь до отпетья" (202).

Перевод

Жил и другой старец, именем Матвей. Он был прозорлив. Вот однажды, стоя в церкви на своем месте, он поднял свои очи, оглядел братию, что стояла, поюще, по обеим сторонам на клиросе, и увидел беса в образе поляка, проходящего в ма́ске и над полой носящего цветок, который зовется "лепок". Бес проходил около братии, извлекал из груди лепок и бросал его на кого-либо. Если цветок прицеплялся к кому-нибудь из поющей братии, то тот, внутренне уже расслаблен, немного постояв, придумывал какой-либо предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал. И не возвращался в церковь до конца службы.

Комментарий: поляк

Под 1074 г. в летопись было вставлено большое повествование о жизни первых монахов Киево-Печерского монастыря, которых, бывало, посещали и бесы. Описание беса, одетого под поляка, в приведенном отрывке вызывает целый ряд вопросов к отдельным деталям. Во-первых, не ясно, что такое "луда",— плащ или маска (См. комментарий к статье под 1024 г.). Вряд ли это плащ, потому что тогда не

понятно, зачем бесу надо было заходить в церковь именно в плаще и как по плащу старец сразу определил поляка. Скорее всего, имелась в виду маска, которой бес в церкви прикрыл свою образину, чтобы походить на человека. А на поляка он был похож своим костюмом, а не плащом.

Во-вторых, не ясно, что такое "приполъ", и соответственно, что обозначало выражение "в приполе". Если "приполъ" — это пола, то тогда не понятно, зачем цветки у беса были в двух, притом скрытых местах — под полой и за пазухой. "Приполъ" — это на самом деле, пожалуй, не сама пола, а место около полы, может быть, над полой, нижняя часть "лона", то есть талия. "В приполе" — на талии костюма.

В-третьих, не ясно, о каких цветках шла речь — реальных или изображенных (не важно, подразумевался репей, шиповник, ясменник или иной цветок). Для ответа на вопрос обратим внимание на выражение: "носяща в приполе". Глагол "носити" в летописи имел отношение только к переноске тела человека или к ношению одеяний, украшений, знаков отличия. Ср.: "Ношаху сли печати злати, а гостье — сребрени" (62. Под 945 г. Послы носили золотые печати, а купцы — серебряные); "багряницю... красно носяща" (152. Под 1015 г.); "се язвено... носить Всеславъ и до сего дне на собе" (168. Под 1044 г. Эту сорочку... Всеслав носит на себе и по сей день); "носимъ на собе креста" (192. Под 1071 г.) Таким образом, бес над полами, на талии своего одения носил цветок или цветки,— вышитые или пришитые изображения, которые и позволяли считать его одежду польской. Эту одежду, вероятно, украшали цветки, а не один цветок. Недаром в большинстве списков летописи сказано во множественном числе: "носяща в приполе цветкы" (см.: Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 242). Но, может быть, и один крупный цветок красовался над одной полой, тем более, что в пояснении к этому украшению все списки употребили единственное число глагола: "еже глаголется лепокъ". Так или иначе, но бес извлекал из изображения цветка как бы настоящие цветок за цветком и бросал их в братию. Это волшебство, иллюзия. Далее в той же летописной статье приводились и другие примеры того, что бесы могут делать, "творяче в мечте" (208).

Самое интересное для нас в данном случае то, что летописец (вернее, автор сказания о киево-печерских монахах) подразумевал щеголеватость одежды как отличительную черту поляков. Это не случайно. Особенно красивые или дорогое наряды летопись обычно отмечала у чужаков,— у грека ("причинися въ святительския ризы" — 122. Под 927 г.), у деревлян, у венгра, у поляка и пр. (см. комментарий к статье под 1051 г.). Безобразно одетыми представлялись также чужаки — булгары: "въ храме... стояще бес пояса" (122. Под 987 г.). О красоте или некрасивости одежды же "своих" персонажей сами летописцы не упоминали ничего (они лишь во вставленных в летопись повестях сохраняли авторские указания на практические отклонения от обыденной нормы в одеяниях мучеников). Поляк, в образе которого скрывался бес, один из самых ярких "не своих" персонажей в летописи.

1097 г.

"Ярослав же: сынъ Святополчь, приде съ угры, и король Коломанъ и 2 пископа. И сташа около Перемышля по Вагру... Давыдъ бо в то чинь пришедъ из ляхов... И устрете и Бонякъ... и поидоста на угры... И наутрия Бонякъ исполчи вои свое. И бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300. И раздели я на 3 полкы и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ разделися на 2 части, по 50 на стороне. Угри же исполчишася на заступы. Бе бо угръ числом 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу... И Бонякъ погнаше, сека в тылъ... И тако множеицею убивая, сбиша в в мячь... И сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галице. И побегоша угри. И мнози истопоша в Вягру,

а друзии в Сану. И бежаще возле Санъ у гору, и спихаху другъ друга. И гнаша по них 2 дни, секуще. Ту же убиша и пископа ихъ Купана и от боляръ многы. Глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь. Ярославъ же бежа на ляхы" (262).

Перевод

Ярослав, Святополков сын, пришел с венграми, в их числе король Коломан и два епископа. Они стали около Перемышля по реке Вагре... А Давыд в то время вернулся из Польши... Его встретил Боняк... Оба пошли против венгров... Наутро Боняк построил своих воинов. Давыдовых воинов было сто, а у самого Боняка — триста. Он разделил их на три отряда и пошел на венгров. Сначала он напустил на них Алтунопу с пятьюдесятью воинами, а Давыда поставил под стягом, а сам разделил своих на две части, по пятидесяти воинов на каждой стороне. Венгры же построились шеренгами. Венгров-то было сто тысяч. Алтунопа примчался к их первой шеренге. А Боняк погнал их, рубя с тыла... И так они, убивая во множестве, сдавили их, словно мяч... Сдавили венгров будто мяч, как сокол сбивает галок в кучу. Венгры побежали. Многие утонули в Вагре, другие в Сане. Бежавшие вверху над Саном спихивали друг друга в реку. Их гнали, секуще, два дня. Тут и убили их епископа Купана и многих из бояр. Рассказывали, якобы погибло их сорок тысяч. Ярослав же бежал к полякам.

Комментарий: венгры

В данном эпизоде говорилось о сражении между внуками Киевского князя Ярослава Владимировича — между Ярославом Святополковичем, на стороне которого выступило венгерское войско во главе с венгерским королем Коломаном, и Давидом Игоревичем, на стороне которого был небольшой отряд половецких ханов Боняка и Алтунопы.

В повествовании об этом сражении явно ощутимы заимствования из разных устных источников (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 464), Но одновременно видно, насколько органично летопись усваивала все не "свое". Характеристика венгерского войска полностью соответствовала канону воинского рассказа в летописи, обычно осведомлявшего, каков был воинский строй сражавшихся, как нарушился этот строй, как побежали проигравшие битву, как их преследовали, как они погибали, сколько их погибло, кто именно был убит и пр. (ср. статьи под 1024, 1036, 1060, 1093, 1096, 1103, 1107 и др. гг.). Необычно только конкретное уточнение: венгры построились рядами, шеренгами. Но с венграми в летописи постоянно связывалось что-нибудь необычное (см. комментарий к статье под 1015 г.). Так что и эта деталь оказалась на своем месте.

Но совершенно необычна для "Повести временных лет" фраза с поэтическими сравнениями: "И сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галице". Слова "мячь", "сокол", "галица", а также названия каких-либо иных игр или игральных предметов больше не употреблялись в летописи, а птицы упоминались очень редко (голуби воробьи — под 946 г., черный ворон — под 1074 г., птицы вообще — под 986 г. в "Речи философа", еще под 912 и 1065 гг. в выписках из "Хроники" Георгия Амартола). Сочетание двух сравнений подряд — "акы в мячь, яко се соколъ" — также было необычно для летописи (двойные сравнения в летописном тексте попадаются редко и только в церковно-риторических рассуждениях: в характеристике заслуг княгини Ольги: "аки деньница предъ солнцемь и аки зоря предъ светомъ" — 82. Под 969 г. В цитате из "Псалтыри": "яко коло, яко огнь" — 242. Под 1096 г.).

И все же, при всей необычности указанной фразы с двумя сравнениями, она вписывалась в общее летописное изложение, потому что в повествовании под 1097 г. многократно (больше десяти раз) использовались сравнения, а во всей летописи нередко использовались сравнения с животными (хотя и не с птицами). Но, самое

главное, потому что необычность фразы, возможно, входила в летописные "правила игры". Дело в том, что в свои рассказы о нападениях, сражениях, осадах и иных военных событиях летописцы открыто или скрыто включали речи проигравшей, потерпевшей стороны, тоже подводившей итоги. В результате появлялись странные, уникальные оценки и детали в повествовании. Так, в статье под 907 г. об успешном походе Олега на Царьград летописец привел слова греков, своеобразно оправдывавших свое поражение: "Несть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от Бога" (44. Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас Богом). Святой Димитрий Солунский больше нигде не упоминался в летописи, и смысл ссылки на Димитрия нам уже не ясен. В этой же статье как бы со слов греков летописцем был описан погром Царьграда — поэтому о греках говорилось сочувственно, а о Руси отрицательно, тон получился парадоксальный: Олег "много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы палаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленникы, овехъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху. И ина многа зла творяху русь грекомъ..." (44).

В прочих рассказах о сражениях греков и руси летописцы тоже использовали как бы греческие речи, сочувственные по отношению к грекам, но отрицательные по отношению к руси, содержавшие редкие для летописи выражения. Например, под 988 г. после взятия Корсуня Владимиром греческие персонажи рассуждали между собой: "...Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша русь грекомъ?" (126. Словосочетание "лютая рать" больше нигде не употреблялось в летописи). В статье под 941 г. о походе Игоря на Царьград войско руси выглядело злодейским: город "весь пожгоша. Их же емше, овех растинаху; другия, аки странь, поставляюще и стреляху в ня; изимахуть, опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть имъ. Много же святыхъ церквей огневи предаша, монастыре и села пожьгоша..." (58. Весь пожгли. А кого пленили — одних распинали; других, поставив, как мишени, стреляли в них; третьих хватали, связывали руки назад, вбивали им в головы железные гвозди. Много святых церквей они предали огню, пожгли монастыри и села). Сравнение "аки странь" и слово "странь" были употреблены только в этом месте летописи. Статью под 866 г. о походе Аскольда и Дира на греков летописец почти целиком составил на основе греческих источников (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С 246-247), откуда проник резко отрицательный эпитет по отношению к руси ("безбожныхъ руси") и редкостные для летописи детали и выражения ("буря въста", "волнамъ вельямъ въставшемъ засобь", "корабля смуте", "приверже" — 36, 38).

Таким образом, можно предположить, что в статье под 1097 г. вставленная летописцем необычная фраза "сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галице" явилась отзвуком как бы из венгерских речей по поводу венгерского поражения. Однако этому предположению противоречит поэтическое принижение венгров в данной фразе, что вряд ли было свойственно даже устному венгерскому источнику.

Вероятнее всего, рассматриваемое высказывание о венграх восходило к половецкому эпосу (так считал М.Д.Приселков, см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 464). Но и в этом случае фраза вписывалась в летопись с ее изобразительными сравнениями, относившимися к различным народностям и людям: "якоже и всякий зверь" (30), яко пси", "аки скотъ бесловесный" (32), "аки волкъ" (70. Под 945 г.), "аки губа напаяема" (74. Под 955 г.), "аки пардусъ" (78. Под 964 г.), "аки луна в нощи" (82. Под 969 г.), "акы зверье дивии" (148. Под 1015 г.), "акы свинья в кале" (182. Под 1068 г.), "яко мухы" (208. Под 1074 г.) и др. Мозаичная цельность летописи возникла, вероятно, стихийно, благодаря охотному повторению мотивов летописцами.

1103, 1104 гг.

"В се же лето ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в ляхы за Болеслава месяца ноября въ 16 день...

В лето 6612. Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь Цесарюгороду месяца иулия въ 20. Томь же лете ведена Передъслава, дщи Святополча, в угры за королевичь августа въ 21 день" (268, 272).

Перевод

В этом же году 16 ноября дочь Святополка Сбыслава была ведена в Польшу замуж за Болеслава...

В 1104 году. 20 июля дочь Володаря ведена в Царьград замуж за царевича Алексея. В том же году 21 августа дочь Святополка Передслава ведена в Венгрию замуж за королевича.

Комментарий: Польша, Венгрия

В конце "Повести временных лет" содержится серия сообщений о выдаче древнерусских княжен замуж за иностранных правителей: дочерей киевского великого князя Святополка Изяславича (внука Ярослава Мудрого) — за польского короля Болеслава III Кривоустого и за венгерского королевича Ладислава (сына Коломана), а дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича (племянника Святополка) — за византийского царевича Алексея (сына Иоанна Комнина).

Несмотря на краткость, в этих сообщениях скрыто все-таки отразились представления летописца о "не своих" для персонажей землях или странах. Судя по форме сообщений о княжнах, Польшу, Византию и Венгрию летописец счел "не своими", отдаленными, не очень благоприятными для княжен странами. Поэтому он употребил выражения "ведена в ляхи", "ведена в угры", "ведена Цесарюгороду". Выражения "быть ведену куда-то", "вести куда-то" в летописи обычно означали "не свое" место, неприятное для насильственно или вынужденно ведомого: "на заколенье веденъ бысть", въ плень ведени быша во Осурию", "ведоша на место краньево и распяша", "ведяше... по пустыни" (110, 118, 110. Под 986 г.), "ведоша в веже" (234. Под 1093 г. Имелся в виду половецкий плен), "веде с собою" (158. Под 1018 г. Имелся в виду польский плен).

Отразившееся в подобных выражениях представление летописцев о "не своих" землях содержало различные оттенки. "Не своя" земля для летописного персонажа — это прежде всего, не родная область, не "отчина". Поэтому о переводе князя из Ростова в Новгород летописец выразился с некоторым неблагоприятным оттенком по отношению к как бы чужому Новгороду: "Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, и поемше ведоша и Новугороду" (238. Под 1095 г.). "Не свое" место — это не только не родное, но иногда и не приличествующее, умаляющее героя место. Ср., куда п[ри]вели теребовльского князя: "ведоша и Белугоро[д]у, иже град малъ у Киева... и ведоша и в ыстобку малу" (252. Под 1097 г.). "Не свое" место могло быть даже приятным, оставаясь до поры все-таки непривычным для персонажей. Ср.: "И придохомъ же въ греки. И ведоша ны, идеже служать Богу своему. И не свемы, на небе ли есмы были, ли на [з]емли" (122. Под 987 г.). В сообщениях же о замужествах места, куда были ведены древнерусские княжны, возможно, были восприняты летописцем как чуждые, непривычные для невест. Оттого он упомянул в летописи больше не упоминаемые титулы женихов из тех стран: "царевичь", "королевичь".

Польша в летописи постоянно представлялась "не своей" страной для древнерусских персонажей. Недаром о польско[м] короле, бежавшем из Киева в Польшу, летописец высказался так: "И приде в свою землю. Святополкъ же нача княжити Кыеве" (158. Под 1018 г.). То есть Польша — другая земля (выражение "в свою

землю" не являлось шаблонной формулой). Для русских летописных персонажей Польша выставлялась подчеркнуто не родной страной. Ср.: "Святополкъ же бежа в ляхы. Ярославъ же седе Кыеве на столе отьни и дедни" (156. Под 1016 г.); "Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину..., бежа в ляхы" (216. Под 1085 г.).

Польша, как "не своя" для персонажей земля не дает им возможности ни остановиться, отдохнуть, осесть, ни выжить. Ср.: "Святополкъ бежа... и пробежа лядьскеую землю... прибежа в пустыню межю ляхы и чехы, испроверже зле животъ свой" (158. Под 1019 г. Ср. печенеги на Русской земле: "И побегоша печенези разно, и не ведяхуся, како бежати, и овии бегающе тоняху въ Сетомли, ине же въ инехъ рекахъ, а прокъ ихъ пробегоша и до сего дне" — 164. Под 1036 г. Торки на "не своей" земле: "пробегоша и до сего дне и помроша, бегающе" — 176. Под 1060 г.).

Наконец, Польша как "не своя" для русских земля вся необычно возбуждена, разрушительна, неблагополучна. Так, в Польше люди вдруг уничтожили церковь и власть (см. комментарий к статье под 1030 г. Ср., как "нивъздержаньно" творят у себя соседние "при насъ ныне половци" — 32, как иступленно "секуть гору, хотяще высечися" окруженные горами "сквернии языкы, иже суть в горах полунощных" — 242, 244. Под 1096 г.).

Итоги: парциальность иностранцев в летописи

Западная тематика в "Повести временных лет" не отличалась ни разнообразием, ни глубиной. Летописцы охарактеризовали лишь несколько западных народов и стран: варягов, "немцев" и Рим, Польшу и поляков, Венгрию и венгров, Чехию (но не отдельных чехов). Преобладало следующее отношение летописцев к западным странам и людям: иноземцы — это "не свои". О "не своих" летописцы писали без особой внимательности, нередко по шаблону, чаще — как о соседях, находящихся где-то извне, далеко, или как о пришельцах, вдруг появившихся на Руси. Иностранцы, с точки зрения летописцев, отличались различными отклонениями от русских жизненных норм и вызывали у летописцев скептические и осудительные чувства. Запад не был чем-то авторитетным для летописцев. Редкие явно положительные упоминания европейских стран и иноземцев, как правило, восходили к западным источникам, использованным летописью.

Категория "не своих" в летописи не была проведена последовательно и отчетливо. Одна из причин этого заключалась в том, что летописцы постоянно стремились не к укрупнению, а к умельчению людских группировок. Это видно уже по самому началу "Повести временных лет", где трех братьев, сыновей Ноя, Нестор представил разделенными ("живяху кождо въ своей части" — 24), первоначально единый род людской — тоже разделенным ("расъсея по всей земли" — 24), владения каждого из сыновей — разделенными на множество стран и народов, славян — тоже разделенными на много народностей и племен ("разидошася по земле... И тако разидеся словеньский языкъ" — 24, 26), поляков — в свою очередь, разделенными на племена, и так — разделены каждое племя ("жившимъ особе" — 26, 30) и каждый род ("живяху каждо съ своим родомъ и на своихъ местехъ" — 26, 28). И далее летописцы, называя тот или иной народ, на самом деле имели в виду только его отдельные части или отдельных представителей (например, "варяги" — отряд воинов, "немцы" — посольство и пр.). Обратным путем — от частей к целому — мысль летописцев не развивалась. Поэтому они почти совсем не употребляли обозначений, объединявших все человечество в единое целое. Неостановимое разрушение крупных целых отвлекало от проведения граней между "своими" и "не своими", "чужими".

Правда, вопреки обычной манере изложения, в летописи встречаются обозначения стран или народов без их дальнейшего дробления на умельчающиеся части. Но

во всех подобных случаях на летописное изложение и словоупотребление влиял какой-либо инородный источник. Например, во вступлении к летописи летописец, перечислив племена, вдруг объединил их в единое целое: "Бе множество ихъ. Седяху бо по Днестру оли до моря. Суть гради их и до сего дне. Да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь" (30). Ясно, что тут не обошлось без греческого источника, а именно — сочинения Епифания Кипрского (см.: Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники. С. 80). Или, например, далее, под 898 г., неожиданно следовало заявление, объединявшее всех славян: "Бе единъ языкъ словенескъ" (40). Однако эта фраза в составе большого отрывка была внесена в летопись из западнославянского "Сказания о преложении книг на славянский язык" (Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники. С. 80-81; Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 256-257). Еще пример — сообщение летописи под 983 г.: "Иде Володимерь на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их" (96),— о ятвягах говорится как о недробимой цельности. Цельный взгляд на ятвягов заимствован из фольклорных преданий о войнах Владимира Святославича (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 485). Под 1071 г. приведено пророчество, оперировавшее целыми странами: "яко... землямъ преступати на ина места, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Руской земли на Гречьской, и прочимъ землямъ изменитися" (188). Это цитировалось предсказание языческого волхва, то есть тоже фольклорный материал. И т.д.

Преобладал же в летописи рассыпающийся мир,— не панорама, а калейдоскоп. Пределом деления должен был стать отдельный, единичный человек, но и он в летописи распадался как бы на разных людей с резко различающимися, не сводимыми воедино качествами (например, апостол Андрей — на юге пророк, а на севере простак; угрин Георгий — и счастливчик, и неудачник; Болеслав Польский — и урод, и умен; и пр. Об этом явлении "расщепления" героев летописного повествования см.: Еремин И.П. "Повесть временных лет" как памятник литературы // Он же. Литература Древней Руси: (этюды и характеристики). М.;Л., 1966. С. 85-97). Еще предстоит выяснить исторические причины восприятия мира в столь рассыпающемся виде киевскими летописцами конца XI — начала XII вв. Быстрота конфессиональных, политических, экономических и прочих перемен, резкая нестабильность феодальной обстановки X-XI вв., вероятно, способствовали формированию "умельчающегося" мировосприятия.

Попытки же монументализации мира проявились в литературе позже, к концу XII в. Создатели же летописи конца XI — начала XII вв. пока лишь усваивали, повторяли, накопляли разнородные способы и детали изложения.

Комментарии к переводу

За основу взят перевод Д.С.Лихачева, в который нами внесены многочисленные изменения литературного характера. Наша цель — дать не строго научный, не пословный, но оттого плохо читаемый перевод, и не художественную стилизацию, создающую образ летописца для наших современных читателей, а фактичный и при этом легко усваиваемый литературный перевод.

Некоторые общие правила предлагаемого перевода таковы. 1. Типичным для летописи считаем спокойное, несколько отрывистое, энергичное повествование. Поэтому в переводе текст разбивается на короткие предложения с привычным для нас порядком слов (нарушаемым ради передачи явной экспрессии или заметных параллелизмов выражений, а также для более ясной связи предыдущего и последующего предложений). 2. В переводе опускаются по многу раз повторяющиеся в летописном тексте малосодержательные союзы, частицы, предлоги, притяжательные местоимения ("и", "же", "бо", "се", "свои" и пр.). 3. В переведенных предложениях иногда добавляются необходимые пояснительные слова (имена собственные и нарицательные; наречия "еще", "уже", "сначала"; местоимения "весь", "сам",

"иной" и пр.). 4. Очень распространенные глаголы ("быти", "стати", "ити", "поити", "прити", "рещи", "глаголати", "пустити" и др.) переводятся в зависимости от контекста в духе наших современных представлений о выразительном литературном повествовании. То же касается перевода союзов и частиц, существительного "земля", прилагательного "великыи". Сочетание глагола и деепричастия, не обозначающее тесно связанные действия или состояния, обычно переводятся двумя глаголами. 5. Даты переводятся привычными для нас словосочетаниями. 6. Из возможных вариантов перевода предпочтение отдается варианту, морфологически или синтаксически более близкому к древнерусскому тексту.

Обоснования нашего перевода отдельных слов и выражений приводятся ниже.

Вступление в летописи

Слово "*страна*" здесь означало сторону Земли, и соответственно оно так и переводится: "Хаму же досталась южная сторона". Об Иафете во всех списках, близких к Лаврентьевскому, сказано с тем же словоупотреблением, что ему досталась "полунощная страна и западная" (Летопись по Лаврентиевскому списку. С.2). Север и Запад считались единой стороной (а не страной). Дальше речь шла тоже о сторонах, а не о странах, Земли. Однако в Лаврентьевском списке появилась искаженная фраза уже явно не о сторонах, а о странах — "полунощныя страны и западныя" (если бы имелись в виду, допустим, две стороны, то прилагательные стояли бы в единственном числе — "полунощная страны и западная"). Переводим, естественно, текст Лаврентьевского списка: "северные страны и западные".

Слово "*часть*" в летописи всегда обозначало отсчет от целого. Поэтому переводим с указанием такого целого: "В Иафетовой же части Земли".

Выражение "*седети въ...*" по отношению к народности не имело предметного оттенка и означало "обитать в..." (ср., например, в начальной части летописи: "седящая в лесехъ" — 32, "в поли седяху" — 42). Поэтому фразу "в Афетове же части седять..." переводим: "в Иафетовой же части Земли обитают...".

Выражение "*приседети къ ...*" не имеет адекватного глагола в современном русском языке и может быть переведено приблизительно: "обитать вплоть до...", "распространяться к ...". Поэтому переводим: "Ляхи же, и пруссы, чудь распространяются вплоть до Балтийского моря".

Слово "*колено*" лучше всего перевести как "род": "Иафетов род". Фраза "Афетово бо и то колено" более ясно передана в других списках: "Афетово бо колено и то" (см.: Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 4; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пгр., 1916. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. С. 4). Местоимение "то" не относилось к "колену" в качестве определения, а являлось подлежащим и как обобщающее слово перед перечислением означало "вот это", "вот что", "вот кто". В соответствии с таким истолкованием переводим: "Иафетов же род и вот еще кто".

Слово "*корлязи*" может быть переведено как "корляги", то есть "каролинги", и как приложение может быть присоединено к предыдущему слову: "немци-корлязи" (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 212).

Вступление в летописи выделяется своеобразной этно-географической фразеологией.

859 — 862 гг.

Выражение "*от дыма*" переводится как "от семьи" (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 233-234).

Фраза "*реша сами в себе*" в одном из списков, близких к Лаврентиевскому, не имеет предлога: "реша сами себе" (Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 18), а в том же эпизоде "Новгородской первой летописи" имеет другой предлог: "реша к себе" (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд.подгот.

А.Н.Насонов. М.;Л., 1950. С. 106).. Несмотря на мелкость различия, эти три выражения переводятся по-разному: "реша в себе" — подумали (ср.: "рече в собе" — 86. Под 971 г.; "помысли въ себе" — 102. Под 986 г.); "реша себе" — сказали себе; "реша к себе" — сказали друг другу (ср.: "глаголаша к собе" — 248. Под 1097 г.). Местоимение "сами", будучи трижды повторено, явно подчеркивало самостоятельность, независимость племен от варягов: "И почаша сами в собе володети ... И воевати почаша сами на ся. И реша сами в собе" (36). В результате, фразу переводим так, "И сами надумали".

"*Володети нами*" — властвовать, управлять у нас (а не "владеть нами").

Язык рассказа о призвании варягов не ясен. Не ясно, в частности, кто же "изъгнаша" варягов, что конкретно означало слово "изъбрашася" и пр.

898 г.

"*Хулити*", "*похулити*" означало "ругать", "поругать".

"*Ни которому*" в данном случае лучше перевести с максимальным нажимом: "никакому".

"*Еже*" относится не к Пилату, а к его "писанью".

"*Роптати*" не на живое лицо, а на предмет переводится как "осуждать что-либо".

969 г.

Слово "*рече*" переводится как "объявил", потому что речь Святослава перед княгиней Ольгой и боярами являлась официальным выступлением.

Выражение "*любо кому-то*" лучше всего перевести как "нравится кому-то". Ср.: "яко имъ любо, тако створять" (62. Под 971 г.), "чюдно слышати их, любо комуждо слушати их... И бысть люба речь князю" (122. Под 987 г.), "где ти любо" (124. Под 987 г.) и мн.др. Соответственно "не любо ми есть" переводится: "не нравится мне".

Выражение "*быти в...*", а не "княжити в...", применялось в летописи к людям, не властвующим или еще не пришедшим к власти, и значило "пребывать в...". Например, апостол Андрей — "бывъ в Риме" (26), Ольга после гибели князя Игоря — "бяше в Киеве съ сыномъ своимъ" (68. ПОд 945 г.). Поэтому выражение "в Киеве быти" из официальной речи еще не княжащего Святослава переводится как "пребывати в Киеве".

Глагол "*хочю*" (или "хощю") в сочетании с инфинитивом в речах летописных персонажей имел оттенок официальности и обозначал будущее время, действие, которое определенно свершится. Из речей Святослава это следовало ясно. Например, когда Ольга уговаривала креститься противившегося Святослава, то он ссылался на нежелание его дружины: "Како азъ хочю инъ законъ прияти един?" (78. Под 955 г.) Ни о каком реальном "хочю" речи не было. Святослав вопрошал: "Как я в одиночку буду принимать (приму) иную веру?" Или, например, в договоре с греками Святослав клялся: "Хочю имети миръ" (86. Под 971 г.) — подразумевалось не только желание, а обязательство и действие: "Буду соблюдать мир". Так и в речи перед Ольгой и боярами Святослав высказал свое решение: "Буду жить в Переяславце".

По-видимому, нужно внести коррективы в перевод других речей Святослава. Знаменитое "хочю на вы ити" (78. Под 964 г.) — "пойду на вас"; "хочю на вы ити и взяти градъ вашь" (84. Под 971 г.) — "пойду на вас и возьму ваш город". То же касается речей Ольги и прочих князей, где употреблялся глагол "хочю".

Определительная формула "*то есть...*" очень редка в летописи сравнительно с часто употребляемой формулой "се есть...", от которой она, возможно, отличалась неким оттенком отстраненности говорящего от указываемого объекта. Ср.: "то лъжа есть" (52. Под 912 г.), "то суть неистовии" (90. Под 980 г.), "не суть то бози" (96.

Под 983 г.), "то есть бесъ" (190. Под 1071 г.), "то есть ворогъ" (238. Под 1095 г.). Поэтому, если формула "се есть..." переводится как "это", то формулу "то есть..." лучше перевести как "то", там.

Слово "*середа*" в данном случае обозначало не просто географическую середину, но экономический центр земли. Словом "центр" в переводе передается и официальность речи Святослава.

Параллелизм выражений "яко то есть... яко ту..." побуждает перевести слово "*ту*" несколько отстраненно — "туда" (а не "тут").

Слова "благый" и "благо" в летописи употреблялись исключительно в церковно-богословском контексте, кроме данного отрывка. В его контексте же существительное "*благая*" имело сугубо материальный смысл, более узкий, чем "блага". Выражение "вся благая" можно перевести как "все добро", а с официальным оттенком — как "все ценности".

Глаголы "сходитися", "схожатися" и производные от них слова в летописи употреблялись только по отношению к людям, опять-таки кроме данного отрывка, где глагол "*сходятся*" был отнесен преимущественно к предметам, которые сами сходиться-собираться не в состоянии. Поэтому переводим: "стекаются" (в значении "свозятся").

"*Паволоки*" переводим обобщенно как "шелка" (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 280).

"*Челядь*" допустимо переводить более осторожно: не как "рабы", а как "слуги" (см.: Там же. С. 277-278).

Объяснительная часть речи Святослава отличается не совсем обычным для летописи словоупотреблением, что тоже может указывать на нерусский источник сообщения. Вся речь звучит как немного "переводная".

986 г.

Летописному широкому обозначению "*немцы*" нет соответствия в современном русском языке. Поэтому оставляем это слово, не переводя.

Глагол "*кланятися*" по отношению к кумирам, Богу, иконам и пр. обозначал "поклоняться". Так и переводим.

Смысл словосочетания "по *силе*" отчетливо выражен, например, в переводном "Житии Пахомия": "Попущаи когожьдо по силе ясти и пити. И по силе едущемъ имъ и дела имъ задежи. Да и пастити ся имъ възбрани, ни ясти. Крепъкая крепъкыимъ и ядущиимъ задеваи дела, худая же и льгъкая — трудящимъся и не мощьнеимъ" (Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. С. 208. Каждому разрешай есть и пить посильно. По их посильному деянию поручай им работу. Не запрещай им ни поститься, ни кушать. Трудные дела задавай крепким и сытым, неважные же и легкие дела — утрудившимся и слабым). Смысл словосочетания "по силе" можно было понимать в сторону еще большей вольности, чем "посильно", что проявилось, например, в "Летописце Переяславля Суздальского", где "немцы" отвечали Владимиру так: "Пост по силе, какъ хто хощеть" (Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. подгот. К.М.Оболенский. М., 1851. С. 18-19).

Выражение "*идете опять*" двусмысленно, так как не содержит пояснения, куда именно идти предложил "немцам" Владимир. То ли резко "Идите прочь". То ли сдержанно: "Идите назад в Рим". То ли уклончиво-любезно: "Придите ко мне когда-нибудь снова". Такая двусмысленность однажды обыгрывалась в летописи, в рассказе о четвертой мести княгини Ольги деревлянам, которая им обещала: "Смирившеся с вами, поиду опять" (72. Под 946 г.). Деревляне поняли слово "опять" как "назад", в Киев, а Ольга вкладывала в это слово иной смысл — "снова, на Искоростень". Однако Владимир не занимался игрой слов, выражаясь вежливо, а

немцы больше не приходили. Поэтому переводим: "Идите назад". Двусмысленность и неясность наслоились, по-видимому, в результате позднейших переделок первоначального летописного повествования о переговорах с "немцами".

В цитируемом поучении против "немцев" под 988 г. фразу "*пращають же грехи на дару*" перевожу, как предложил В.М.Кириллин: "прощают грехи за мзду". Ср. под 1097 г.: "вдасть дары велики на Давыда" (260. Дал великие дары за Давида).

996 г.

Слово "*околнии*" употреблялось в летописи в значении внешнего окружения чего-либо, ближнего и дальнего. Поэтому выражение "съ князи околними" переводим: "с окружающими князьями".

987 г.

Слово "*старци*" (во множественном числе) в летописи означало собрание не столько старейшин, сколько советников (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 350), однако советников пожилых. Поэтому слово "старци" не переводим.

Словосочетание "*бытие мира*", в первую очередь, имело в виду библейскую историю мира, которую греческий философ изложил Владимиру. Ср., в самой "Речи философа": "научися от ангела Гавриела о бытии всего мира, и о первемь человеце, и яже суть была по немъ и по потопе, и о смешеньи языкъ, аще кто колько летъ былъ" и пр. (108. Под 986 г.). Поэтому выражение "о бытьи всего мира" переводим как "об истории всего мира".

Фразу "*суть же хитро сказающе*" нельзя перевести точно по форме ("они — искусно рассказывающие", "они хитроглаголивые"). По нормам современного русского языка более приемлемо: "Они искусно рассказывают", а в данном контексте: "Они искусные рассказчики". Слова "хитро", "хитрость", "хитрый" имели в летописи общее значение "искусно", "искусство", "искусный". Так и переводим.

О слове "любо" см. комментарий к переводу из статьи под 969 г.

1015 г.

Глагол "*напасти*" без предлога "на" означал некое стремительное действие само по себе. Поэтому переводим "нападоша" как "набежали".

Собирательное существительное "*зверье*" соответственно переводим как "зверьё".

Фраза "*и се нападоша аки зверье дивии около шатра и насунуша и копьи*" явно испорчена и оттого не совсем вразумительна. Она может быть истолкована трояко: 1) убийцы окружили шатер Бориса и сначала проткнули копьями шатер; 2) убийцы появились около шатра, а затем уже внутри шатра они проткнули Бориса копьями; 3) убийцы напали на Бориса у шатра и сначала наставили на него копья. Смысл этого места колеблется в разных списках летописи. Считаем, что в Лаврентиевском списке выражен первый смысл: Борис лежал на постели внутри шатра, когда убийцы набросились настолько зверски, что Бориса и его слугу пронзили через шатер, потому-то им не сразу удалось убить Бориса. Первоначально же, в "Древнейшем киевском своде", рассказ был яснее: шатер здесь не упоминался и употреблялись правильные словосочетания "нападоша на нь" и "зверие дивии", а убийцы тут же и прикончили Бориса (см.: Повесть временных лет. Ч. 2 / Комментарии Д.С.Лихачева. С. 573).

Фразу "*и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь*" переводим в нормах последовательности нашего современного связного рассказа: "...пронзили Бориса. И с ним пронзили..." Выражение "падша на нем" (правильней, быть может, "падша ся на нем") не содержало пояснения о том, что слуга именно заслонил собою Бориса,

распростершись на нем. Поэтому переводим более неопределенно: "упавшего на него".

"*Бяше родом сынъ угърескъ*" — дословно: "бывал родом венгерский сынъ". Переводим более неопределенно: "происходил родом из венгров".

Глагол "*избити*" означал сплошное убийство всех упомянутых лиц подряд. Поэтому переводим: "перебить".

Собирательное существительное "*трупие*" (ср. выше "зверье") не удается перевести одним словом. Чтобы сохранить собирательный оттенок, предлагаем эквивалент выражению "въ трупии": "во множестве трупов", "среди множества трупов".

Язык вставки о Георгии все-таки специфичен.

1018 г.

Формула "*приде на кого-либо*" употребляемая в летописных рассказах о военных событиях, все-таки требует уточняющего добавления в нашем современном словоупотреблении и поэтому переводится как "пришел войной на..."

Выражение "*совокупивъ русь, и варягы, и словене*" является в Лаврентьевском списке единичным видоизменением обычной летописной формулы "совокупити вои многы", которая обозначала собирание или набирание как бы однородного войска для успешного похода. Совокупление же разнородных отрядов для обороны привело к составлению объединенного, но немонолитного войска, которому затем и не удалось противостоять перед нападавшими. Оттого слово "совокупивъ" в данном случае лучше перевести как "соединив".

Формула "*поити противу кому-либо*" имела оттенки, различавшиеся в зависимости от летописного контекста. Она означала "пойти против кого-либо", когда речь шла непосредственно о сражении двух сторон. Но она означала "пойти навстречу кому-либо", когда имелось в виду лишь продвижение к месту будущей битвы. Вот почему данное место надо перевести: "пошел навстречу".

О "*кормильце*"-дядьке см.: Лихачев Д.С. Комментарии / Повесть временных лет. Ч. 2. С. 295.

Древнерусское слово "*укаряти*" имело общее значение "оскорблять", но с дополнительными оттенками в контексте летописных рассказов. В данном случае оскорбления были особенно наглыми, воевода поносил короля. Поэтому предлагаем в качестве перевода слово "уязвлять".

Сочетанию частиц "*да то ти*" в древнерусской поносной речи соответствует наше современное разговорно-задорное "а вот-те".

Сочетание "*великъ и тяжекъ*", по нашему мнению, прежде всего подчеркивало тяжеловесность короля, и оттого оно переводится как "дороден и грузен". Если же считать, что здесь указывалось на внешнюю толщину персонажа, то можно перевести: "огромен и массивен" так, что не помещался на коне.

Прилагательное "*смыслении*" с общим значением "умный" меняло оттенки в летописных рассказах. Круг его дополнительных значений определялся исходным словом "смыслъ", которое означало "мысль", "замысел", "намерение", "соображение" и т.д. Вполне возможно, что в данном случае слово "смыслень" подразумевало подвижность ума, сообразительность внешне неповоротливого Болеслава, сумевшего сразу ответить на оскорбление. Поэтому предпочтительней перевести: "смышлен".

Наречие "*жаль*" в летописи обычно относилось к конкретным предметам и существам: "жаль" отчины, отня стола, лошади, смерда (80, 186, 268. Под 968, 1069, 1103 гг.). Сочетание с абстрактным существительным "укоръ" необычно. Быть может, в первоначальном тексте Болеслав говорил о себе: "меня не жаль". Тогда логика его рассуждения понятна: "Если после такого оскорбления вам всем меня не жаль, то я один...". В дошедшем тексте, возможно, получился пропуск, и приходится переводить: "Если вас не обидело такое оскорбление..."

В этой же фразе не понятно, почему Болеслав обещает погибнуть ("погыну"), раз дружине не жаль его. Вероятно, в первоначальном тексте вместо глагола "*погыну*" стоял другой глагол, связанный со словом "гонити" или "погонити", и изложение развивалось логично: Болеслав пригрозил своей дружине, что он в одиночку "погонит" на Ярослава, что он тут же и сделал. Затем (очень рано) в речь Болеслава вкрались искажения.

Формула "*всести на конь*" обычно была нейтральна, однако иногда она обозначала быстрое движение — вскочить на коня. В данном же случае она указывала на несколько замедленное движение толстого и важного Болеслава — "воссел на коня".

Глаголы "вбрести", "побрести", "пребрести", "перебродитися" (возможно, "бродити" и "убрести") обозначали в летописи передвижение по броду. Поэтому выражение "*вбреде в реку*" переводится как "поехал вброд через реку".

Некоторые особенности словоупотребления из отмеченных выше побуждают к поискам польского источника эпизода.

1019 г.

Глагол "*терпети*", особенно с отрицанием "не", в летописи употреблялся в значении "выносить что-либо", обычно с пояснением того, чего не выносят персонажи. В данном случае Святополк, побуждавший своих спутников к непрерывному бегству ("побегнете!"), явно не мог выносить остановки на одном месте. Поэтому добавляем глагол "останавливаться". Кроме того, выражение "не можаше терпети" переводим как обозначение внутреннего состояния человека: "Ему было невыносимо..."

Экспрессивную формулу "*испроверже зле животъ свой*" адекватно, пожалуй нельзя перевести. Если пытаться передать именно глагол "испроверже", то выражение переводимо нашей современной литературной формулой: "испустил свой дух". Слово "зле" осуждало то, как отрицательный герой испустил дух: "гнусно", "мерзко". Но можно стараться сохранить точный перевод слова "животъ" — жизнь. Ведь в летописи однажды было сказано: "испусти духъ Иисусъ" (118. Под 986 г.). Так что "испроверже животъ" — это не столько "испустил дух", сколько расстался с жизнью", "лишился жизни". А в общем, может быть, и "подох".

1024 г.

Слово "*луда*" переводим как "маска". См. комментарий к этому отрывку.

О выражении "*взиде противу има*" см. комментарий к переводу отрывка под 1018 г.

Выражение "*побежаемъ есть*" лучше переводится не в пассивной, а неопределенно-личной форме: "его побеждают".

1073 г.

Фразеологическое сочетание "*въздвиже котору*", пожалуй, лучше всего перевести нашим современным фразеологическим же сочетанием "раздул ссору".

Формулу "*сести на столе*", не означавшую конкретное сидение на конкретном предмете, лучше перевести более абстрактным выражением "занять престол".

Выражение "*бе начало выгнанью братию*" в данном случае имело более общий смысл, имея в виду не один случай, а целую череду подобных преступлений. Поэтому переводим: "был зачинателем изгнаний братьев".

Выражению "*взострити кого-либо на кого-либо*" ближе всего современное выражение "натравить кого-либо на кого-либо".

Глагол "*налезти*" в зависимости от контекста можно перевести и как "собрать" (ср. несколько раньше, под 1054 г.: "землю отець своихъ и дедъ своихъ, иже налезоша трудомь своимь великымъ" — 174).

Выражение "*взяти злато или имение у кого-либо*" имело смысл не столько "забрать" или "отнять", сколько "получить от кого-либо" (ср. Под 944 г.: "announced вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя и възвратися въяпять" — 60; под 1097 г.: "ляхове же обещашася ему помогати и взяша у него злата 50 гривен" — 260).

Фразеологическое сочетание "*показати кому-то путь*" лучше всего перевести как "отправить кого-то куда-то" (ср. под 980 г, когда варяги попросили Владимира Святославича: "Да покажи ны путь въ греки". Этот путь варягам не нужно было показывать. Речь шла о разрешении отправиться в Царьград. И князь отправил их: "Идете" — 92).

Летописная статья под 1073 г. насыщена феодальной фразеологией.

1074 г.

Выражение "*позрети по кому-либо*" лучше перевести как "оглядеть кого-либо".

Словосочетание "*обиходящ бес*", не уточняющее кого же бес обходит, лучше перевести как "проходящий бес". Так же и странное выражение "обиходити подле братью" переводим: "проходить около братии".

Слова "*умом*", "в уме" нередко означали "внутренне". Так и переводим.

Язык этого отрывка своеобразен.

1097 г.

"*Исполчити вои*" — в данном случае "построить воинов".

"*Полк*" — в данном случае немногочисленный отряд.

Выражение "*пустити на воропъ*", то есть "послать напасть", лучше перевести как "напустить".

"*Пригнати*" — в данном контексте, пожалуй, "примчаться"

Выражение "*сбити в мячь*" переводится как "сдавить словно мяч" (иные варианты перевода менее удачны: "сбить в мяч" — сейчас не говорят, да и слово "сбить" двусмысленно; "превратить словно в мяч" — не передает усилий).

Словосочетание "*возле Санъ у гору*" означало не столько "вдоль Сана вверх", сколько "вверху над Саном", с высокого берега которого венгры и спихивали друг друга.

"*На ляхы*" — лучше перевести "к полякам", а не "в Польшу (ведь не сказано: "в ляхы").